

DA 27265

32 27265 53.138/77

ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИИ БѢЛОРУССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

DAR BISKUPA

L. Łozińskiego.

СОЧИНЕНІЕ

О. Турчиновича.

ИЗДАНИЕ В. А. ИСАКОВА.

514/12
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санкт-
петербургъ, 26 января 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время и причина происхожденія названія *Бѣлоруссїи* съ достовѣрностію не извѣстны; но, кажется, оно есть весьма древнее, мало по малу утвердившееся за этимъ краемъ, жители котораго, и по необходимости и по привычкѣ, носятъ бѣлую одежду.

Кажется, въ этомъ смыслѣ и отъ подобной причины произошли у насъ прозванія Руссїй: Бѣлою, Червоною или Красною и Черною; по крїйней мѣрѣ цвѣтъ національной одежды жителей этихъ мѣстъ оправдываетъ ихъ названія. Однакоже, это только *кажется*, но не болѣе; ибо, еще нельзя сказать ничего положительнаго ни о причинѣ, ни тѣмъ болѣе о времени появленія этихъ мѣстныхъ,

повидимому цвѣтныхъ, прозваній Руссій и Бѣлоруссії вособенности; и въ этомъ случаѣ нельзя основываться ни на молчаніи объ ней лѣтописей, ни на позднее появленіе этого названія въ историческихъ памятникахъ. Извѣстно, что нѣкоторые Русскіе Историки (Татищевъ, Шуваловъ и др.) приурочивали названіе *Бѣлой* къ разнымъ мѣстамъ Россіи. Еще труднѣе сказать: когда возникло это названіе? Бѣлая, Червоная, Черная Русь — *Русь!* Слѣдовательно, не ранѣе какъ въ концѣ IX, или въ началѣ X столѣтія. Такъ, а быть можетъ, и не такъ; ибо, для этого слѣдовало бы еще положительно дознать: что наконецъ такое эта за таинственная *Русь*, которою нѣкоторымъ *пахнетъ* не только въ Россіи гораздо ранѣе IX вѣка; но даже еще во времена глубочайшей древности, еще за-долго до Рождества Христова, въ Европѣ и самой Азіи? Да наконецъ-то и самое слово *бѣлый* въ какомъ должно быть понимаемо смыслѣ: цвѣтномъ или восточномъ — независимый, великій? Уже въ VI столѣтіи встрѣчаются съ этимъ прозваніемъ страны и пле-

мена : Бѣло-Сербія и Бѣло-Хробація, Сербы Бѣлые и Хорваты Бѣлые — но въ какомъ смыслѣ? Карамзинъ — относящій появленіе прозванія Россіи *бѣлою* ко временамъ уже болѣе къ намъ близкимъ — понимаетъ его въ смыслѣ восточномъ; что же касается до личнаго нашего мнѣнія, то прозваніе извѣстной части Россіи *бѣлою*, именно нынѣшней Бѣлоруссіи, должно быть принимаемо въ смыслѣ цвѣтномъ. Въ этомъ смыслѣ извѣстно не мало народныхъ названій; такъ, еще Геродотъ говоритъ объ Агаѳирсахъ — золотоносахъ, народѣ золотистой одежды, и, въ противоположность имъ, о Меланхленахъ — смурыхъ кафтанахъ; а Геродотъ, какъ извѣстно, переводилъ по-гречески значеніе сообщаемыхъ и объясняемыхъ ему пріятелемъ его и Скиѳами названій народовъ, въ которыхъ нынѣ хотятъ видѣть предковъ Славянъ (*).

(*) Какъ знать, быть можетъ еще Гомеръ говоритъ объ нихъ такимъ же образомъ? Просимъ припомнить, что высказалъ объ этомъ *О. И. Сенковскій*, доказывавшій, между прочимъ, что Гераклиды, Геркулесичи, Полиемичи, Кривичи, а слѣдовательно и Бѣ-

Настоящая Бѣлоруссія, въ прежнія времена, простиралась: съ сѣвера на югъ отъ города Дриссы на Двинѣ и озера Освѣя до Могилева и Друцка, а съ востока на западъ отъ Великихъ Лукъ и отъ рѣки Ловати до мѣстечка Бѣлаго, на границѣ губерній Виленской и Минской, т. е. Бѣлорусіею, въ самомъ началѣ, называлась страна

лоруссы одно и то же; что, послѣ разоренія Трои, знаменитый Одиссей (Себѣгнѣвъ, Zbigniew) — не могшій, по волѣ озлобленнаго на него Нептуна (Скало-тряса), долгое время найти дорогу въ отечество — бродя изъ страны въ страну, забрелъ наконецъ въ нынѣшнюю Бѣлоруссію къ Кривичамъ, поклонявшимся богу Полиему — Одноглазому, Одноглазнику, которому Одиссей вырвалъ единственный глазъ. Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ ученыхъ не отвѣтилъ на эту статью Сенковского, написанную имъ по поводу перевода *Одиссеи* Жуковскимъ (см. *Библ. для Чт.* кн. I и II за 1849 г.) Ее сочли парадоксомъ и только; а между тѣмъ этотъ парадоксъ — плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій, необыкновенной учености и самыхъ остроумныхъ соображеній — въ основаніи своемъ сходенъ съ мнѣніемъ *Шафарика* — что Славяне отвѣчные обитатели на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и нынѣ живутъ, что жили тутъ во время Геродота; а потому, что же не вѣроятнаго и въ томъ, что жили они тутъ и во время Гомера, могшаго говорить объ нихъ также, какъ и Геродотъ?

между Двиною, Днѣпромъ и Друтью; въ настоящее же время, подъ общимъ названіемъ Бѣлоруссіи извѣстны двѣ нынѣшнія губерніи: Могилевская и Витебская, за исключеніемъ трехъ ея Лифляндскихъ уѣздовъ: Динабургскаго, Люценскаго и Рѣжицкаго, составлявшихъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, послѣ Оливскаго въ 1660-мъ году мира, *Польскую Лифляндію* (Inflanty Polskie).

Бѣлоруссія имѣетъ свою собственную исторію, которую можно бы раздѣлить на древнюю и новую. Ея древняя, ея собственная исторія, мало извѣстна; новая же, начинающаяся съ XV столѣтія, тѣсно связана съ политическою исторіею Литвы, Польши и Россіи. / По своему географическому положенію, Бѣлоруссія сдѣлалась поприщемъ, на которомъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій рѣшались оружіемъ, почти всѣ вопросы, составлявшіе политическую жизнь этихъ державъ — и послѣдствія этой вѣковой, кровопролитной борьбы составляютъ судьбу и новую исторію Бѣлорусскаго края. Я имѣлъ въ виду его преимущественно древ-

нѣйшую исторію; такъ какъ позднѣйшая, вособенности съ конца XVII ст., лишенная всякой самобытности, заставила бы только составлять безсвязный перечень событіямъ, или повторять исторію Россіи и Польши.

Никто прежде меня не писалъ объ этомъ предметѣ; потому, быть можетъ, я не могъ избѣжать ни трудностей, ни неудачъ, ни недостатковъ, свойственныхъ каждому начинанію.

Г. Могилевъ.

Марта 19-го 1855-го года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Курганы. — Древнѣйшіе обитатели. — Скиѣы, Будданы и Гелоны. — Прибытіе родоначальниковъ Славянъ. — Геты. — Дак-пето-поріаны. — Венеды, Апты; Славяне. — Сходство названій бѣлорусскихъ съ придунайскими. — Новое движеніе Славянъ. — Полочане, Кривичи, Радимичи, Дреговичи. — Норманны; Гаддингъ и Рагнаръ. — Покореніе жителей Рюрикомъ и Олегомъ . . . . .

СТР.

1

КНИГА ВТОРАЯ.

Рогволодъ и Рогнѣда. — Сватовство Владиміра. — Отказъ Рогнѣды. — Взятіе Полоцка. — Убіеніе Рогволода. — Судьба Рогнѣды. — Горислава. — Мечь. — Ссылка. — Изъяславъ родоначальникъ Князей Полоцкихъ. — Возстаніе Радимичей. — Начало родовой вражды. — Война Брячислава съ Ярославомъ. — Всеславъ Полоцкій. — Война. — Битва на Немизѣ. — Всеславъ В. К. Кіевскимъ. — Война съ Болеславомъ II. — Бѣгство. — Война продолжается. — Смерть Всеслава. — Удѣлы. — Изувѣрство Глѣба Минскаго. — Мономахъ идетъ на Глѣба. — Усмиреніе. — Походъ Мстислава на Князей Полоцкихъ. — Ссылка ихъ въ Византію. — Возвращеніе. — Междоусобіе. — Своеволіе Полочанъ. — Въ Полоцкѣ республика . . . . .

27

КНИГА ТРЕТІЯ.

СТР.

Усиленіе Литвы при Кернусѣ и Ердзвиллѣ. — Набѣги. — Княжество Литовско - Завилейское. — Мингаило покоряетъ Полоцкъ. — Княжество Литовско - Полоцкое. — Гинвиллѣ. — Борисъ. — Рогволодъ. — Потомки Рогвѣды мало по малу исчезаютъ съ лица исторіи 47

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зависимость южной Ливоніи отъ Полочанъ. — Прибытіе купцовъ Нѣмецкихъ. — Торговья конторы. — Миссіонеры. — Мейнгардтъ. — Бартольдъ. — Альбертъ. — Основаніе Гольма, Иксула, Риги. — Учрежденіе ордена Меченосцевъ. — Столкновение съ Князьями Полоцкими. — Владиміръ. — Альбертъ и Василій. — Угнѣщеніе жителей. — Возстаніе. — *Книга* Герсике и Вячко. — *Пятой* Литва усиливается. — Ердзвиллѣ покоряетъ нѣмѣнскую Бѣлоруссію и Смоленскъ. — Миндовгъ. — Тевтовиллѣ въ Полоцкъ, Арвидъ въ Рогачевѣ, Тройнатъ на Жмуйли. — Междоусобіе. — Полоцкъ подаренъ Ордену. — Убіеніе Миндовга, Тевтовилла, Тройната. — Лютаворъ въ Полоцкъ 53

КНИГА ПЯТАЯ.

Судьба Бѣлоруссіи. — Событія. — Два Довмонта. — Рымундъ возвращаетъ Полоцкъ Литвѣ. — Витенесъ выкупаетъ его. — Отдаетъ въ удѣлъ Воину. — Война съ Крестоносцами. — Основаніе Могилева. . 73

КНИГА ШЕСТАЯ.

Гелиминъ. — Судьба Рогвѣдина потомства. — Бракъ Ольгерда съ Марією Витебскою. — Андрей Ольгердовичъ. — Война съ Крестоносцами. — Любко Полоцкій. — Распри съ Псковомъ. — Удѣлы Ольгердовичей въ Бѣлоруссіи. — Ягелло. — Распри Ольгердовичей. — Андрей Кейстутевичъ. — Скиргел-

ло. — Распря за Полоцкъ. — Вмѣшательство Ор-
дена. — Смерть Кейстута. — Андрей записываетъ
Полоцкъ Ордену. — Вторженіе Крестоносцевъ въ
Бѣлоруссію. — Изувѣрство Святослава Смоленскаго.
— Усмиреніе. — Ягелло въ Бѣлоруссіи. — Сир-
гелло. — Витольдъ. — Свидригелло. — Война за
Витебскъ. — Свидригелло В. К. Литовскимъ. — За-
говоръ. — Бѣгство. — Битва подь Ошмянами. —
Императоръ и Крестоносцы. — Миръ. — Опять
война. — Битва подь Вилькомиромъ. — Участь
Свидригеллы. — Свидригелла скрывается. — Кази-
миръ. — Дѣла Смоленскія. — Разныя событія . . . 88

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Война Іоанна III съ Казиміромъ и Александромъ. —
Ведрюшская битва. — Перемиріе. — Борьба Васи-
лія съ Сигизмундомъ. — Битва подь Оршею. —
Кон. Острожскій. — Новая война. — Опустошеніе
Бѣлоруссіи. — Глинскій. — Вторая битва подь Ор-
шею. — Переговоры о мирѣ. — Осада Полоцка. —
Чудо. — Перемиріе. — Борьба Іоанна IV съ Си-
гизмундами, — Первое вторженіе Россіявъ въ Бѣ-
лоруссію. — Второе; взятіе Гомеля. — Построеніе
Себѣжа и Велижа. — Перемиріе 116

КНИГА ОСЬМАЯ.

Паденіе Ордена. — Соединеніе Ливоніи съ Литвою и
Польшею. — Вторженіе Россіявъ въ Бѣлоруссію. —
Взятіе Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Пора-
женіе: Шуйскаго подь Чашниками, Оболенскаго
подь Оршею. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Пе-
ремѣна въ Іоаннѣ. — Бѣгство Курбскаго. — Осада
Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Построеніе зам-
ковъ около Полоцка. — Успѣхи Витебскаго воеводы
Паца. — Подвиги Сангушки. — Взятіе Уллы. —
Осада Витебска. — Смерть Сигизмунда. — Переми-
ріе. — Борьба Іоанна съ Баторіемъ. — Московское

войско вторгается въ Ливонію. — Первый походъ Баторіевъ на Полоцкъ. — Осада и взятіе его. — Покореніе сосѣдственныхъ замковъ. — Второй походъ: на Великія Луки. — Военный совѣтъ въ Чашникахъ. — Покореніе Велижа и Усвятъ. — Осада В. Лукъ. — Покореніе Невеля и Заволочья. — Болѣзнь Короля въ Полоцкъ. — Третій походъ: на Псковъ. — Перемиріе 140

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Постепенное угнетеніе Православія въ Литвѣ. — Унія. — Убіеніе въ Витебскѣ Архіепископа Юсафата Кунцевича. — Унія въ Малороссіи. — Хмѣльницкій волнуеъ Литву и Бѣлоруссію. — Усмиреніе. — Подданство Малороссіи. — Борьба Алексѣя съ Казиміромъ. — Первый походъ: взятіе Смоленска, покореніе Бѣлоруссіи. — Второй походъ: покореніе Литвы, взятіе Вильны. — Король Шведскій вторгается въ Польшу. — Виленскій договоръ. — Третій походъ. — Оливскій договоръ. — Успѣхи Польши. — Подвиги Польскихъ полководцевъ. — Мѣстничество губить Московскихъ воеводъ. — Война продолжается. — Миръ 200

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Раздѣлъ Польши. — Присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи. — Воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Лифляндское 233

КНИГА ПЕРВАЯ.

Заселеніе страны.

Курганы. — Древнѣйшіе обитатели. — Скиѣы, Будлины и Гелоны. — Прибытіе родоначальниковъ Славянъ. — Геты. — Дак-пето-поріаны. — Венеды, Апты; Славяне. — Сходство названій бѣлорусскихъ съ придунайскими. — Новое движеніе Славянъ. — Полочане, Кривичи, Радимичи, Дреговичи. — Норманны; Гаддингъ и Рагнаръ. — Покореніе жителей Рюрикомъ и Олегомъ.

I.

Геродотъ, опредѣливъ сѣверную границу Будлиновъ большою пущею, гдѣ находится огромное скопище водъ ⁽¹⁾, не могъ ничего разузнать о другихъ странахъ, лежавшихъ далѣе на сѣверѣ баснословномъ, гдѣ за высокими неприступными горами, которыхъ никто не перехаживалъ, жили чудовищные обитатели: люди, спавшіе по шести мѣсяцевъ; олноглазые аримаспы и грипы, сторожившіе золото. Тамъ, въ числѣ странъ, оставшихся неизвѣстными для любознательнаго отца исторіи, былъ и нынѣшній Бѣлорусскій край, чрезъ который лишь протекающій Борисоенесъ (Днѣпръ) былъ ему извѣстенъ въ его южномъ теченіи ⁽²⁾. Въ этомъ мракѣ, надъ которымъ бременѣтъ десять вѣковъ, нѣтъ исто-

рін; а гдѣ нѣтъ ея, тамъ драгоцѣнно и преданіе, которое приводимъ.

«Въ то время, когда торговля Греціи съ отдаленными странами возвысила ея могущество и развила въ ней промышленность, Греки, посѣтивъ отдаленныя сѣверныя страны, нашли берега Днѣпра уже заселенными съ незапамятныхъ временъ народомъ многочисленнымъ, котораго богатство заключалось въ пчелахъ и лѣсномъ звѣрѣ, въ стадахъ многочисленныхъ и рыбѣ Днѣпровской; даже золото, несповѣдимою волею Божіею, также дано было въ удѣлъ этому народу, не дошедшему до познанія истиннаго Бога; да и міръ въ то время еще не былъ осчастливленъ воплоченіемъ Слова Господня. Но человѣкъ не можетъ жить безъ воображенія о Богѣ, и нигдѣ ни одинъ дикій народъ не жилъ безъ какого нибудь представленія о немъ. Потому удивительно ли, что человѣкъ непросвѣщенный дикія имѣлъ понятія о Богѣ и еще болѣе странныя обряды? Слѣды этихъ народовъ и ихъ обрядовъ остаются до нынѣ на своемъ первобытномъ мѣстѣ въ очевидныхъ памятникахъ ихъ могилъ; а память объ нихъ живетъ въ изустныхъ преданіяхъ народа. Скныри, жившіе надъ Днѣпромъ, пребываютъ, какъ слышно, и нынѣ — тамъ, гдѣ живутъ — въ язычествѣ. Они никогда не зарывали мертвыхъ въ ямы; но коль скоро кто умиралъ изъ нихъ, то тѣло его выносили на мѣсто погребенія. Тамъ нѣкоторыя тѣла жгли, нныя просто клали на землю безъ погребенія, оставляя лишь при нихъ яства и напитки. Сюда собирався народъ, съѣдалъ и выпивалъ что находилъ; а на тѣло умершаго носилъ землю и сы-

палъ курганъ (3). Потому, кто изъ нихъ былъ богаче, или кто во время жизни пріобрѣлъ болѣе друзей — къ тому болѣе собиралось трапезниковъ, тому долѣе и болѣе насыпали курганъ. Тѣла царей, витязей и женъ ихъ складываемы были отдѣльно, въ отдаленіи отъ прочихъ; потому надъ ними курганы уединенныя и болѣе. А надъ злыми и преступниками не сыпали кургановъ: звѣри хищныя пожирали тѣла ихъ. Этотъ народъ были Скифы номады и охотники (4).»

II.

Дѣйствительно, земля Бѣлоруссіи вздымается курганами (tumulus) повсемѣстно; особенно же въ области, центромъ которой можно принять среднее теченіе Днѣпра: съ лѣвой его стороны — начиная не много выше мѣстечка Шклова Могилевскаго уѣзда до устья Припети и до прежнихъ границъ Литовскихъ владѣній съ Россією — а съ правой, область кургановъ простирается чрезъ Борисовскій уѣздъ до границъ собственной Литвы. Но наиболѣе находится ихъ: съ одной стороны — между р. Друтью и низовымъ теченіемъ Березины, съ другой — между г. Могилевомъ и р. Сожемъ. Въ этой области — среди которой будетъ Рогачевъ — вдоль берега Днѣпра, въ такомъ множествѣ являются столпными эти таинственные курганы, что невольно рождается мысль, будто бы эта страна была вѣковымъ кладбищемъ какого-то многочисленнаго народа въ древности. Еще живое народное преданіе и до настоящаго времени чтить ихъ могилами пер-

вобытнаго народа, столицею котораго былъ нынѣшній уѣздный городъ Рогачевъ, расположенный на полуостровѣ, имѣющемъ видъ согнутаго рога, образуемаго устьемъ Друти въ Днѣпръ (5).

Кто были курганокопатели? Были-ль они, въ самомъ дѣлѣ, Скиѣы; или Герры, какъ думаютъ въ которые (6)? А область нынѣшняго Рогачева (7) не была-ль она посвящена, избрана для обширнаго кладбища, завѣтнаго святилища, народнаго кампосанто? Конечно, это лишь предположеніе; но все же правдоподобное, вызванное обычаемъ и примѣромъ изъ дѣйствительной жизни Геродотовыхъ Скиѣовъ, имѣвшихъ особо избранную мѣстность, куда вывозили для погребенія тѣла своихъ царей, надъ которыми насыпали высокіе курганы, сохранившіеся и до нашихъ дней на берегахъ Днѣпровскихъ.

Со всѣмъ тѣмъ, невѣроятно, чтобы эти могилы были Скиѣскія: кочевой народъ, любившій приволье степей необозримыхъ, не могъ зайти такъ далеко на сѣверъ, гдѣ, среди лѣсовъ дремучихъ и топей не проходимыхъ, одна часть его погибла бы неизбежно, а остальная должна бы была переродиться нравственно, чтобы усвоить новый образъ жизни въ иной землѣ, среди иной природы. Скиѣы погибли или переродились тамъ, гдѣ жили — на степяхъ при черноморскихъ — и Рогачевскіе курганы ужь никоимъ образомъ не могутъ свидѣтельствовать о пребываніи ихъ въ этомъ краѣ (8).

Кеппенъ, на всемъ пространствѣ отъ моря Чернаго до залива Финскаго, различаетъ три рода древнихъ могильныхъ кургановъ: древнѣйшіе или скиѣ-

скіе между моремъ Чернымъ и Обояномъ (Курской губерніи), Варягорусскіе около Ладоги и Волхова и третіе — Казацкіе въ Украинѣ. Но, неужели до Варягорусской эпохи у восточныхъ Славянъ не было въ обыкновеніи насыпать холмовидныхъ могилъ, или кургановъ, попадающихся во множествѣ по всей землѣ Славянской? Неужели отъ временъ древнихъ Скифовъ до Казаковъ ни одинъ народъ, ни одно племя, обитавшее на этомъ огромномъ пространствѣ, не сыпало надъ умершими кургановъ?

Напротивъ того, погребеніе тѣлъ въ землѣ и сыпаніе надъ ними могилъ болѣе или менѣе высокихъ необходимо было, какъ способъ самый естественный и простой, во всеобщемъ употребленіи у всѣхъ народовъ. Одновременно съ нимъ существовалъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ и обрядъ сожженія тѣлъ; но обрядъ, уже по существу своему, справлявшійся лицами болѣе значительными или достаточными и — при всемъ томъ — все же погребавшими и послѣ этого прахъ въ землю — въ чемъ, между прочимъ, удостовѣряютъ могилы въ Мазовіи, въ Великой Польшѣ, въ Помераніи и Силезіи ⁽⁹⁾.

Кто же были курганокопатели ⁽¹⁰⁾: славяне или, быть можетъ, еще прелшественники ихъ? Рѣшатъ это археологическія изслѣдованія, для насъ же остается лишь обязанность какъ можно глубже заглянуть въ древность, чтобы распознать въ ней по крайней мѣрѣ древнѣйшихъ, если не первобытныхъ обитателей этого края.

III.

Шафарикъ ⁽¹¹⁾ считаетъ Славянъ аборигенами, жителями столь древними на своихъ мѣстахъ, какъ Кельты и Германцы на своихъ. Геродотовыхъ Будиновъ почитаетъ онъ древнѣйшимъ племенемъ славянскимъ, помѣщаетъ ихъ въ нынѣшней Бѣлоруссiи, гдѣ, именно въ Могилевской губерніи, находится много деревень, называемыхъ будами, будто бы основанныхъ этимъ народомъ. Быть можетъ, что Славяне столь же древни въ Европѣ, сколько Кельты и Германцы; но, чтобы деревни, называемыя будами, могли свидѣтельствовать названіемъ своимъ о пребываніи Геродотовыхъ Будиновъ въ этомъ краѣ, такъ это болѣе нежели сомнительно ⁽¹²⁾.

— Не вѣроятнѣе ли другое, слѣдующее мнѣніе о времени заселенія этой страны Славянами.

Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 396 г. до Р. Х., изъ лона Кельтики, Галлы, подобно всеограждающей лавѣ, устремлялись двумя бурными потоками на югъ Европы: на сѣверозападную Италію и на Паннонію. Стѣсненные этимъ напоромъ Паннонскіе народы въ свою очередь потѣснили сосѣдственныя съ ними племена Оракійскія; такъ, что толчекъ данный Галлами Паннонцамъ, сообщился черезъ нихъ многимъ племенамъ. Началось передвиженіе. Первые паннонскіе Авторьяты нашли на земли Оракійцевъ: сдвинули Трибалловъ; Трибаллы потѣснили Кровызовъ и оба вмѣстѣ Гетовъ, обитавшихъ между Истромъ (Дунаемъ) и Гемомъ (Бал-

канами), которые, припихнутые всеобщимъ движеніемъ, съ этого времени (375 г.) начали мало по малу переселяться за Дунай.

Толчекъ данъ, направленіе пріобрѣтено и переселеніе, начавшись однажды, продолжалось уже съ этого времени постоянно, въ большей или меньшей степени, смотря по успѣхамъ населенія, всегда требующаго для жизни пространства. Судя по извѣстіямъ, сохраннымъ исторіею, можно предполагать, что такое заселеніе задунайскихъ странъ Гетами, въ зависимости отъ естественныхъ успѣховъ населенія, продолжалось три столѣтія, въ теченіе которыхъ населеніе — съ одной стороны размножаясь на мѣстѣ путемъ нарожденій; съ другой, благопріятствуемое пзвнѣ переселеніемъ изъ Даціи — могло далеко распространиться въ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Дуная. Но, въ началѣ четвертаго столѣтія, это, такъ сказать, естественное заселеніе странъ задунайскихъ усилилось насильственнымъ образомъ ⁽¹³⁾.

Уже въ началѣ перваго столѣтія по Р. Х. открылись различныя столкновенія между Римлянами и Даками и — вскорѣ постигла ихъ судьба, общая народамъ, сосѣдственнымъ съ предѣлами обширной державы властолюбиваго Рима, начавшаго съ Дакогетами ⁽¹⁴⁾, подъ различными предлогами, войну. Въ борьбѣ, продолжавшейся долгое время, счастье служило попеременно то одной, то другой сторонѣ. Наконецъ, Царь Гетовъ Дурасъ или Дурпанъ, стѣсненный Римскимъ полководцемъ Корнеліемъ Фускомъ, передалъ свое достоинство Децебалу, разбившему, въ 86 году по Р. Х., на голову

Римлянъ. Походъ Домиціана, въ 89-мъ году, на Дацію не принесъ имъ ни славы, ни пользы: Римскій полководецъ обязался ежегодною данью Дакамъ. Но, Траянъ низвергнулъ это иго и, въ 100-мъ году, снова началась война, счастливая для Рима. Доведенный до послѣдней крайности Царь Дако-Гетовъ Децебаль, окруженный Траяномъ въ собственной столицѣ Зармизегетѣ, сокрывъ свои сокровища въ р. Саргетѣ (Стреѣ), рѣшился лучше сжечь себя добровольно, чтобы только не попасть въ руки враговъ своихъ.

Дація покорена, Дація обращена въ Римскую провинцію; однако не сбылись и надежды горделивыхъ Римлянъ. Они увидѣли лишь зрѣлище, которому не было ничего подобнаго: Дако-Геты народъ земледѣльческій, жившій въ селеніяхъ и городахъ, не желая покориться Римскому игу, явилъ безпримѣрный подвигъ, величественный примѣръ любви къ независимости народной: оставлялъ землю древнюю отцевъ своихъ, съ имуществомъ и пенатами двинулся на противоположный берегъ Дуная. Или на стогны древняго Рима, а узришь тамъ этотъ величественный выходъ народа ⁽¹⁵⁾.

Перейдя Дунай, Даки, такъ сказать, перенесли съ собою и Дацію и съ этого времени Римскіе писатели начинаютъ различать уже двѣ Даціи: новую и древнюю или Траянову, оставшуюся пустынною, безлюдною, куда пришлось Римлянамъ стягивать переселенцевъ со всѣхъ концовъ своего царства.

Остановившись на лѣвомъ берегу Дуная, Дакогеты направили свои поселенія далѣе: Даки сперва къ юго-западу отъ Карпатовъ, Геты къ юго-востоку

отъ нихъ : сперва къ Серету, Днѣстру и Бугу ; потомъ къ Вислѣ и наконецъ къ Днѣпру и Западной Двинѣ.

Изъ географовъ : Мартина (110 г.), Птоломѣя (160 г.) и вособенности изъ Римскаго дорожника или певтингерскихъ таблицъ 210 года, видно, что по теченію Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской и части Смоленской губерніи — отъ впаденія р. Ипуты въ Днѣпръ, внизъ по теченію его до впаденія Уты въ Сожъ — обиталъ народъ *Дак-пето-порьяны*, т. е. обитатели, разсѣянные на большомъ другъ отъ друга пространствахъ ⁽¹⁶⁾.

IV.

О подобномъ распространеніи Гетовъ въ этѣ страны удостовѣряетъ многое. Такъ Геты, оставивъ Дацію, древнюю колыбель предковъ своихъ, старались сохранять и поддерживать хотя нравственные узы, связывавшія ихъ такъ сильно съ утраченною отчизною, родимою землею, жившею неизгладимо въ ихъ памяти и воображеніи, къ которой, хотя въ отдаленіи, но въ вѣчномъ сожалѣніи объ ней, они не переставали обращать свои мысли, чувства и взоры. Потому, куда судьба ни привела Гетовъ, туда переносили они съ собою и свои названія : тамъ рѣки, урочища и селенія именовали они названіями тѣхъ, которыя остались въ ихъ прежнемъ придунайскомъ отечествѣ. Такое сходство географическихъ названій съ придунайскими, бывшими въ Даціи, всего чаще встрѣчается въ странѣ, лежащей между Карпатами и р. Пили-

цею , по Бугу и Вислѣ и еще въ странѣ верхняго Днѣпра — и мы, ограничиваясь мѣстностію описываемаго края , укажемъ на слѣдующія сходныя , подобозвучныя географическія названія :

Въ Дации и Мизии :

Въ Бѣлоруссии :

Дукирава	Дукора въ Минск. губ. надъ р. Свислочью.
Апула, Апулонъ	Аполе Смол. губ.
Зуси-дава	Чаусы.
Сарново	Жарново, *Шамово, Жуково (послѣднихъ есть много).
Ненти-дава	Надва въ Смолен. уѣздѣ.
Зари-дава	Ширки надъ Бѣсядью въ Мог. губ., Черее.
Зарги-дава	Суражъ, Черикова, *Суходрава рѣка и селеніе въ Оршан уѣздѣ.
Руси-дава	*Рогачевъ.
Ути-дава	Витьба р., Витебскъ, Утяны или Уцяны надъ Двиною, Уть или Уць надъ р. Утью.
Ками-дава	Камень въ Витеб. и Минск. губ.
Оболенсін (Орак.)	Оболь р. и м. въ Копыс. уѣз. и еще рѣка въ Полоц. уѣз.
Санъ-дава	Сѣнно, *р. Сожа или Сожъ.
Дортиконъ (надъ Дунаемъ)	*Дронченскъ, Друцкъ, Друтескъ.
Полода, Полтіо — бріа (Орак.) (17)	р. Полота и г. Полоцкъ.
г. Тивровъ у Тиритовъ надъ Тиромъ (Днѣстромъ)	Селенія : Туровли, Турски, Туровски, Турьевы въ Мог. и Витеб. гг.

Тіассонъ	Дисна городъ и рѣка.
Тріассонъ	Дрисса тоже городъ и рѣка.
Тирискоунъ	Турскъ, Турья, Туровлянка въ Мог. и Витеб. гг. (10) *.

Къ распространенію этихъ Дакогетскихъ наименованій много могло способствовать вторженіе, около 210 года, Готовъ, поселившихся вблизи Гетовъ (Антовъ) и тѣмъ самымъ побудившихъ ихъ высылатъ новыя и новыя колоніи, далѣе и далѣе на сѣверъ. Въ то время еще свѣжи были въ памяти ихъ названія утраченной Дации и въ своихъ новыхъ поселеніяхъ они еще не переставали быть народомъ придунайскимъ. Наконецъ, новое движеніе съ юга на сѣверъ, отъ Дуная къ Вислѣ, Двинѣ и Днѣпру, въ VI и VII столѣтіяхъ, снова поддержало въ переселенцахъ, быть можетъ, уже угасавшую, память о прежнемъ отечествѣ. Правда, огромное пространство земли и времени отдѣляло ихъ отъ него, потому-то и мало находимъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о памяти ихъ о своемъ древнемъ отечествѣ; памятниковъ, сохранившихся въ едва замѣтномъ, для многихъ, быть можетъ, сомнительномъ подобозвучномъ сходствѣ географическихъ названій:

Въ Дации и Мизии : *Въ Бѣлоруссии* (Могил. губ.)
 Зермизирга, Нермизирга, Гермигера   р. Чечера, м. Чечерскъ въ уѣз. Рогачев.

* Названія со звѣздочками и между ними означаютъ наши собственные (не Лелевелевы) уподобленія; наша вина, если они неумѣстны.

Тіерна (наль Дун.)	р. Черница, м. Черя въ уѣз. Сѣн.
Зуси-дава	Чаусы.
Зарги-дава	Чериковъ.
Клапинъ, Клепи-дава	*Клапинъ въ Чериков., Кульпинъ въ Сѣн., Жлобинъ м. Рогачев. уѣз.
Зири-дава	Ширки Мог. губ. наль р. Бѣсядью или Задункою, *Чериковъ, Суражъ, Жеррино въ Сѣн., два с. Жарки въ Климовец., Жерстинъ въ Могилев.
*Зурабора	*д. Зубры въ Оршан. (бул. Зибричь?)
*Ольбіа или Ольвіа (греческая колонія при лиманѣ Борисоен.)	*два с. Ольбы въ Климовец. уѣз.
*Гилѣя (упом. Геродотомъ).	*селеніе Гилѣя въ Сѣн. уѣз.

Рѣки впадающія

<i>въ Дунай у Гетовъ :</i>	<i>въ Днѣпръ въ Бѣлоруссіи :</i>
Utus (Plevena, Vada)	Уть въ Сожъ.
Osmus (Осьма Булгар)	Осьма около Дрогобужа.
*Aluta (древ. Tiarantus)	*Алюта въ Чаусов. уѣз.
*Rhabon (Шіуль) (¹⁹)	*З. Двина въ древн Рубонъ.
Trifulon	*Теребовль близъ Орши.
Pirum	Проня въ Сожъ.
Cesoga (Молдав.)	Чечора въ Сожъ.
Nenti-dava	Надва въ уѣз. Смолен.
*Drava	*Одрава въ Днѣпръ, Суходрава въ Двину, обѣ въ у. Оршан.

- *Orthea . . . *р. Оршица, г. Орша (напо-
наетъ собою нынѣш. прид.
г. Орсову); р. Ореса, впад.
въ Березину въ Бобруйс. у.
*Sava . . . *два селенія Савы и одна р.
въ Оршан. уѣздѣ).

Лелевъль приводитъ болѣе шестидесяти географическихъ названій изъ древней Даціи; ихъ подобозвучное сходство съ таковыми же Польшѣ и Россіи подтверждаетъ извѣстіе о переселеніи въ этѣ страны Гетовъ, сдѣлавшихся родоначальниками восточныхъ Славянъ. «Хотя бы нѣкоторыя уподобленія названій были ошибочны и невѣрны, хотя бы онѣ относились къ городамъ уже и гораздо позже построеннымъ; со всѣмъ тѣмъ, еще останется много названій, могущихъ свидѣтельствовать о сходствѣ Славянскихъ географическихъ названій съ таковыми же въ Даціи ⁽²⁰⁾.»

V.

Теперь, что касается названія.

Съ теченіемъ времени измѣнилось названіе Даковъ и Гетовъ: первыхъ на Венедовъ, вторыхъ на Автовъ и наконецъ, въ VI вѣкѣ, оба вмѣстѣ сдѣлались извѣстными подъ именемъ Славянъ (Sclavini), обитавшихъ отъ Дуная и моря Чернаго до Балтійскаго и отъ Днѣпра до Одры. Объ этомъ свидѣтельствуютъ писатели VI столѣтія: Иорданъ, Прокофій и Менандръ. Такъ, Иорданъ говоритъ, что къ сѣверу отъ Даціи (древней) вся страна отъ Вислы занята поселеніемъ Венедовъ, которые хотя и под-

раздѣляются на многія поколѣнія, носящія каждое особое названіе, со всѣмъ тѣмъ называются двумя главными именами *Славянъ* и *Антовъ*. Первые обитаютъ начиная отъ города Новадунума (Novodunum), что на Дунаѣ, и озера Мизійскаго (Рамзинъ) до Днѣстра и Вислы, живутъ въ лѣсахъ и болотахъ; поселенія же вторыхъ, самага многочисленнѣйшаго изъ нихъ племени, простираются по берегу Чернаго моря между Днѣстромъ и Днѣпромъ ⁽²¹⁾. Тоже самое говоритъ и Прокопій: за Истросомъ (Дунаемъ) живутъ Гунны (Авары), Славяне и Анты; однихъ и другихъ, Славянъ и Антовъ, языкъ варварскій; нѣкогда носили они одно общее имя, и оба въ древности назывались *спорами* — названіе, какъ кажется, происшедшее отъ разбросанныхъ жилищъ, или поселеній по обширнымъ, спорымъ пространствамъ ⁽²²⁾; живущіе при Меотѣ и морѣ Черномъ, называются Утургурами; а къ сѣверу отъ нихъ безпредѣльную страну занимаютъ Анты. Такимъ образомъ, на всемъ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ, начиная отъ устья Дуная на сѣверъ къ морю Балтійскому, въ странахъ Вислы и Днѣпра обитали Славяне. Это, недавно возникшее, имя было общимъ названіемъ народа, извѣстнаго до того подъ именемъ Антовъ и Венедовъ. Первое названіе относилось къ племени, занимавшему восточную половину этого пространства, обитавшему къ востоку отъ Вислы, по Днѣпру и къ сѣверу отъ него; Венедами же назывались западныя племена, обитавшія къ западу отъ Вислы. Это именно пространство, какъ мы видѣли, и заняли Дакогеты: такъ что Даки, обратившіеся къ сѣверо-западу отъ Ду-

ная къ Карпатамъ и далѣе соотвѣтствуютъ Славянамъ; а Геты, направившіеся къ Днѣстру, Днѣпру и Вислѣ соотвѣтствуютъ Антамъ. Одинъ и тотъ же языкъ, одна и та же народность соединяла Даковъ съ Гетами, Славянъ съ Антами (23).

Такимъ образомъ, между Дако-пето-порьянами прежде всего появилось названіе Антовъ. «Слово *анта* — говоритъ Шафарикъ — по свойству языковъ должно было бы выговариваться: по старославянски или кириловски *анта* по ново-булгарски *ата*, по русски и сербски *ута*, по-кroatски *вота*, по-польски *вонта*, по-старочески *ата*, а по-новочески *аута*.» Вотъ, въ разныхъ мѣстахъ земли славянской попадаются названія, происходящія отъ темнаго и давно затеряннаго корня *ут*, такъ напримѣръ: *Уть* селеніе и рѣка, впадающая въ Сожъ Могилев. губ., *Уты* деревня надъ Десною Орлов. губ., *Утинка* деревня въ Смоленской, *Утяны* въ Вилен. губ. надъ Двиною (24); въ названіи же *Утидавы* города въ Даціи, этотъ корень слышится во всей силѣ. Потому, кажется вѣроятнымъ, что имя Антовъ было лишь мѣстнымъ географическимъ названіемъ, принятымъ частію обширнаго племени въ смыслѣ особенности, или мѣстнаго племяннаго названія.

Главныя жилища Антовъ въ концѣ IV, даже въ VI и VII столѣтіяхъ простирались по берегу Чернаго моря отъ устья Дуная до Днѣпра; такъ что должно сомнѣваться въ обширности ихъ поселеній на сѣверѣ, по Днѣпру ранѣе VI столѣтія. Несторъ какъ бы не знаетъ объ Антахъ и когда не говоритъ о томъ, чтобы какіе нибудь Славяне пришли

къ Днѣстру, сѣли и прозвались этимъ именемъ, то этимъ почти ясно высказываетъ то, что онъ считаетъ ихъ мѣстными жителями, старожилами, аборигенами (25).

Итакъ, Славяне восточные и западные суть потомки Дакогетовъ и пришли отъ Дуная. Еще до нашихъ дней сохранилась между ними память о первобытной колыбели. Такъ, нашъ простой народъ съ какимъ-то священнымъ уваженіемъ, если не любовью, въ своихъ завѣтныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ упоминаетъ о *широкомъ, съдомъ, старомъ Дунаѣ*. Бѣлоруссы, именующіе его въ своихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ то *блымы*, то *тихимъ*, то *широкимъ Дунаемъ*, — едва ли не болѣе прочихъ племенъ Славянскихъ сохранили объ немъ памяти; въ странѣ ихъ есть даже рѣки, именуемыя его завѣтнымъ именемъ. Такъ, въ самомъ Витебскѣ (Uti-dava) рѣчка, плывущая въ Двину, называется *Дунаемъ*; Бѣсядь, впадающая въ Сожь въ Могилевской губерніи, носитъ еще названіе *Задунки* и наконецъ еще *Дунаецъ* въ Быховскомъ уѣздѣ (26) — все это названія, принесенныя переселенцами съ береговъ Дуная, быть можетъ, даже гораздо ранѣе нашей эры.

VI.

Побудительныя причины къ переселенію скрываются въ лонѣ народа; но сколько можно судить объ этомъ, то размноженіе населенія и безпокойное сосѣдство племенъ враждебныхъ являются главнѣйшими поводами къ этому. Кажется, что оба одновременно и вмѣстѣ подняли предковъ нашихъ съ

мѣста, заставили Антовъ и Славянъ придунайскихъ предпринять, съ конца VI вѣка, переселеніе далѣе на Сѣверъ въ обширныя равнины, уже съ давняго времени мало по малу занимавшіяся колонистами имъ соплеменными.

Несторъ — начиная, по примѣру Византійскихъ писателей, свой рассказъ потомками Ноя—увѣряетъ, что языкъ или народъ Славянскій Яфетова племени, что онъ долгое время жилъ надъ Дунаемъ — тамъ, гдѣ нынѣ Венгрія и Булгарія. Отсюда Славяне разошлись въ разныя стороны, сѣли и прозвались по мѣстамъ: тѣ, которые посѣлились около рѣчки Моравы прозвались Моравами; а другіе назвались Чехами, Хорватами бѣлыми, Сербами, Хорутанами. Когда Валахи надвинулись на Славянъ придунайскихъ и стѣснили ихъ, то Славяне пошли и сѣли надъ Вислою и прозвались Ляхами, отъ нихъ же Поляне, Лутичи, Мазовшаны, Поморяне. Оттуда же Славяне пришли и сѣли около Днѣпра и прозвались Полянами, другіе Древлянами оттого, что посѣлились въ лѣсахъ. Нѣкоторые поселились между Припетью и З. Двиною и прозвались Дреговичами, другіе отъ впадающей въ Двину рѣчки Полоты прозвались Полочанами. Отъ нихъ же, т. е. Полочанъ, Кривичи, которые сядятъ у верховьевъ Волги, Двины, Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Часть Славянъ сѣла такъ же около озера Ильменя и прозвалась своимъ именемъ — Славянами. Два брата, отъ племени Ляховъ, *Радимъ* и *Вятко* пошли отъ запада на востокъ: Радимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожѣ въ нынѣшней Могилевской губерніи и отъ него про-

звались Радимичи, а Вятко на Окѣ и отъ него Вятчи.

Движеніе Антовъ изъ странъ приэвксинскихъ, случившееся нѣсколько позже, неизбежно имѣло своимъ послѣдствіемъ успленіе Полянъ, Кіевскихъ и Сѣверянъ. Новгородскіе Славяне согнали съ мѣста Чудь и заняли ихъ землю. Вѣроятно Древляне и Дреговичи подобнымъ же образомъ вытѣснили изъ лѣсистыхъ мѣстъ туземцевъ аборигеновъ, принадлежавшихъ, кажется, къ племени Чудофинскому. Такимъ образомъ оттѣсняемы были болѣе и болѣе къ сѣверу народы Чудскаго племени, котораго, хотя и не многочисленныя, поселенія были, какъ кажется, разсыпаны по всей средней полосѣ Россіи (27).

Итакъ, слѣдуя Нестору, въ самомъ началѣ нашей исторіи находимъ въ нынѣшней Бѣлоруссіи: *Полочанъ*, обитавшихъ по рѣкѣ Полотѣ; далѣе отъ нихъ *Кривичи*, жившіе у верховьевъ Волги, Днѣпра и Двины и занимавшіе самую обширную страну: отъ озера Чудскаго до истоковъ Волги, Днѣпра и Двины, до устья р. Случи и до границъ собственной Литвы и Ливоніи — страну, включающую въ сѣбѣ по нынѣшнему раздѣленію губерніи, Псковскую, Смоленскую, Витебскую и части Могилевской, Минской и Виленской. Въ нынѣшней Могилевской губерніи, по теченію р. Сожи, жили *Радимичи*; а за правымъ берегомъ Друти простиралось поселеніе *Дреговичей*, занимавшихъ пространство между Э. Двиною и Припятью.

VII.

✓ Полочане прозвались отъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину ⁽²⁸⁾. Они съ древнѣйшихъ временъ занимались торговлею съ Готландомъ и Висби, способствовали перевозкѣ товаровъ отъ Балтійскаго моря въ Азію: по Двинѣ до Витебска и отсюда волокомъ до Днѣпра и по немъ до Кіева.

Но загадочно, необъяснимо названіе Кривичей: кто они и почему прозвались этимъ именемъ? Если сходство названія Кривичей съ именемъ Литовскаго верховнаго жреца *Креве* есть случайное и не должно вести ни къ какимъ сближеніямъ ⁽²⁹⁾, въ то время, какъ нѣкоторые доказываютъ, что Кривичи, псповѣдуя одинакую съ Литовцами вѣру, признавали и верховную власть его ⁽³⁰⁾; такъ по тому же самому мы не вправѣ подобно нѣкоторымъ ⁽³¹⁾ производить названіе Кривичей отъ другаго Литовскаго слова *Kirba* — дрягва, болото, которыми въ самомъ дѣлѣ богата страна ихъ. Впрочемъ, это самое загадочное названіе; привевшее въ замѣшательство Шлёцера, усомнившася даже въ Славянскомъ происхожденіи Кривичей ⁽³²⁾.

Татищевъ производитъ это названіе отъ сарматскаго слова *креве* (верховье рѣки); сомнительно также, чтобы оно означало тоже самое, что и названіе Сѣверянъ ⁽³³⁾; ибо если одно изъ племенъ Славянскихъ назвалось или названо Сѣверянами потому, что оно жило къ сѣверу отъ другаго — Полянъ Кіевскихъ; то не очевидно ли, что тѣже самыя Славяне не имѣли никакой надобности прински-

вать неизвѣстнаго и, какъ кажется, вовсе чуждаго языку ихъ слова для обозначенія жителей, обитавшихъ отъ нихъ къ сѣверу и которыхъ они уже разъ сумѣли прозвать поэтому Сѣверянами. По нашему мнѣнiю Кривичи одного происхожденiя съ Славянами: какъ восточные Славяне вообще произошли отъ еракійскаго народа Гетовъ, такъ въ частности Кривичи произошли отъ еракійскихъ Кровызовъ или Кробызовъ (34).

Быть можетъ, что религiя Кривичей была сходна съ вѣрою Литовцевъ — народа изъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ наиболѣе сближеннаго съ Славянами (35). Кривичи, подобно Литовцамъ, сожигали тѣла умершихъ и прахъ собирали въ особый сосудъ, зольницу; при погребенiи совершали игры — обряды, тоже соблюдавшiеся древними Пруссамъ и Литовцамъ; но и Славянами (36) также. Въ сохраненiи мира съ Греками Руссы поклялись Перуномъ, означавшимъ тоже самое, что у Литовцевъ и Пруссовъ Перкунасъ (37), но чтимый также и Славянами.

Только объ одномъ Смоленскѣ упоминаетъ лѣтописецъ; но кромѣ его, быть можетъ еще и древнѣе, у Кривичей были города *Полоцкъ*, *Витебскъ* (38), *Крево*; наконецъ, позднѣе встрѣчающiйся въ лѣтописи, *Торопецъ* (отъ рѣки Торопы) у простаго народа *Кривитенскъ*, *Кривичь* или *Кривизъ* (39). Нынѣшнее мѣстечко Чериков. уѣзда *Кричевъ*, *Кривскъ* въ Рогачев., деревни: *Крево* и *Кривичи* въ Минской, р. *Кривина* впад. въ Двину, *Кривичи* подъ Полоцкомъ, *Кривецъ* или *Кривскъ* на р. Камби и *Кривское*

около Порхова еще до настоящаго времени напоминаютъ своими названіями Кривичей.

Названіе Радимичей и Вятичей Несторъ производитъ отъ имени родоначальниковъ и сообщаетъ преданіе, что оба племени происходятъ отъ Ляховъ. Не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, показывающее, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленною: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Чтó племена эти пришли позднѣе другихъ, такъ это доказываютъ избранныя ими жилища: Радимичи поселились на Сожѣ; а Вятичи должны были перейти далѣе на востокъ, на Оку, потому что земли на Деснѣ, между Сожью и Окою уже были заняты Сѣверянами⁽⁴⁰⁾. Только одно названіе нынѣшняго мѣстечка Чериковскаго уѣзда *Радомля* напоминаетъ Радимичей, у которыхъ быть можетъ онъ былъ столицею⁽⁴¹⁾. *Радомль село Юзефаю уѣзда*

Названіе Дреговичей, обитавшихъ между Приретью и Двиною, происходитъ отъ слова *дрегва* — грязь, топь, которыми богата эта страна.

VIII.

Несторъ невыгодными красками описываетъ нравы первобытныхъ обитателей этого края. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ свохами; браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Родичи

мичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи при погребеніяхъ совершали *тризну*, и угощали во время ея *стравами* (42); потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ при дорогѣ. Одновременно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столпахъ, существовалъ обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами (43).

Этимъ оканчиваются всѣ наши свѣденія о первобытныхъ обитателяхъ Бѣлоруссін, и нѣтъ никакихъ извѣстій объ ихъ общественномъ бытѣ. Но гдѣ есть общество — тамъ должно быть и правленіе, которое у нашихъ Славянъ, раздѣлявшихся на общины, было народное подъ управленіемъ старѣйшинъ (44). Но живя разсѣянно, безъ связи и общаго правленія народы не могутъ долгое время сохранять своей независимости и — Радимичи потеряли ее въ началѣ VIII столѣтія, признавъ надъ собою власть Козаровъ, которые въ концѣ VII и началѣ VIII вѣка, привевъ въ трепетъ Римскую Имперію, обратили свое оружіе къ странамъ Днѣпра и Оки. Каіанъ обложилъ данью Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Дреговичей. Радимичи и Дреговичи платили сперва по *бѣлкѣ*, а послѣ по *шлягу* съ двора или дыма.

IX.

Гораздо ранѣе призванія трехъ братьевъ Варяго-Руссовъ въ Россію сѣверо-западная часть ея уже была извѣстна предприимчивымъ соплеменникамъ ихъ (45). Отважные Норманскіе Конунги, Гаддингъ

и Рагнаръ Ладброкскій, проникали по Двинѣ въ нынѣшнюю Витебскую губернію даже до Полоцка, который, по своему положенію, быть можетъ, былъ любимымъ пристанищемъ для Норманскихъ искаателей приключеній (46). Со всѣмъ тѣмъ сомнительно, чтобы они успѣли въ придвинской области ввести свои поселенія, и еще тѣмъ болѣе основать какія либо независимыя княжества, какими нѣкоторые считаютъ Полоцкое, Туравское и Герсикенскіе уѣзды Двинною, въ нынѣшнемъ Динабургскомъ уѣздѣ Витебской губерніи (47). Впрочемъ, если же это и могло быть, такъ подобному происхожденію обіяно развѣ одно Герсике (48), котораго исторія намъ почти неизвѣстна; хотя съ другой стороны, должно сознаться, что это предположеніе довольно правдоподобно, такъ какъ Руссы имѣли цѣлую область около средняго теченія Нѣмана и Иславецъ Сноррь-Сонъ, путешествуя по Литвѣ, находилъ своихъ единоплеменниковъ почти около нынѣшнихъ Трокъ (49).

Х.

Вскорѣ послѣ основанія Монархіи, около 864 г., Кривичи и Полочане добровольно покорились Рюрику, отдавшему Полоцкъ въ управленіе одному изъ своихъ единоплеменцевъ, имени котораго не знаемъ (50). Черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ, въ 883 г., и остальные Кривичи, населявшіе сѣверо-восточную часть нынѣшней Могилевской губерніи, добровольно вмѣстѣ съ Кривичами Смоленскими, безъ сопротивленія покорились храброму Олегу. Нако-

нецъ, по перенесеніи Русской столицы въ Кіевъ, когда Олегъ, желая соединить съ нимъ Новгородъ приведеніемъ всѣхъ племенъ, обитавшихъ между этими городами подъ свою власть, завладѣлъ землями Древлянъ и Днѣпровскихъ Сѣверянъ, сосѣдственные съ ними Радимичи — жители береговъ Сожскихъ добровольно покорились, согласившись платить Великому Князю ту же подать, какую давали они Казарамъ — по *щлягу* — названіе монеты и до нынѣ сохранившееся между Бѣлоруссами ⁽⁵¹⁾. Лѣтописи не говорятъ, когда покорены Дреговичи обитавшіе въ Западной части нынѣшней Могилевской губерніи въ сосѣдствѣ съ Радимичами; но если при Олегѣ все пространство между Новгородомъ и Кіевомъ входило въ составъ Россійской Монархіи, то можно предполагать, что и это племя покорилось, или покорено было въ одно время съ своими сосѣдями Радимичами.

КНИГА ВТОРАЯ.

Князя Полоцкіе.

Рогволодъ и Рогѣда. — Сватовство Владиміра. — Отказъ Рогѣды. — Взятіе Полоцка. — Убіеніе Рогволода. — Судьба Рогѣды. — Горислава. — Местъ. — Ссылка. — Пзяславъ родоначальникъ Князей Полоцкихъ. — Возстаніе Радимичей. — Начало родовой вражды. — Война Брячислава съ Ярославомъ. — Всеславъ Полоцкій. — Война. — Битва на Немизѣ. — Всеславъ В. К. Кіевскимъ. — Война съ Болеславомъ II. — Бѣгство. — Война продолжается. — Смерть Всеслава. — Удѣлы. — Изувѣрство Глѣба Минскаго. — Мономахъ идетъ на Глѣба. — Усмиреніе. — Походъ Мстислава на Князей Полоцкихъ. — Ссылка ихъ въ Византію. — Возвращеніе. — Междоусобіе. — Своеволіе Полочанъ. — Въ Полоцкѣ республика.

XI.

Почти сто лѣтъ лѣтописи ничего не говорятъ о Кривичахъ и Радимичахъ, въ странѣ которыхъ, вѣроятно не произошло ничего особеннаго, могшаго обратить вниманіе лѣтописцевъ. Во время войны Владиміра съ Ярополкомъ въ Полоцкѣ господствовалъ варягъ *Рингвальдъ* или *Рогволодъ*, пришедшій, по сказанію лѣтописца, изъ за моря⁽⁵²⁾, вѣроятно для того, чтобы служить Великому Князю, и получилъ отъ него въ удѣлъ эту землю⁽⁵³⁾.

Кто былъ Рогволодъ и когда прибылъ на Русь? Что былъ онъ Варягъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; прибылъ же онъ на Русь, кажется, во время Святослава, къ которому поступивъ на службу, получилъ въ управленіе, а быть можетъ, и въ удѣлъ Полоцкую область, около того времени, когда Святославъ, вознамѣрившись учредить свое пребываніе на Дунаѣ, въ 970 году, посадилъ сыновей своихъ: Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ землѣ Древлянской, Владиміра въ Новгородѣ (54).

Рогволодъ имѣлъ прекрасную дочь *Рогнѣду*. Хотя Ярополкъ и былъ уже женатъ на прекрасной монахинѣ Гречанкѣ, плѣнницѣ Святослава, похищенной имъ въ первый походъ въ Болгарію; но, какъ у Славянъ язычество дозволяло многоженство, то Ярополкъ посватался за Рогнѣду, можетъ быть, соединяя съ этимъ сватовствомъ и политическіе виды, и получилъ ея согласіе. Но когда открылась между братьями война, то — опасаясь ли союза Ярополка съ ближнимъ къ Новгороду княженіемъ, или по слуху о красотѣ Рогнѣды — Владиміръ, по словамъ летописца, женолюбивый также выслалъ пословъ въ Полоцкъ съ сватовствомъ. Рогволодъ предоставилъ выборъ дочери: *не хочу разутти рабынича*, отвѣчала гордая норманка, *но Ярополка хочу* (55). Раздраженный Владиміръ прежде всего ополчился противъ Рогволода, и подступилъ къ Полоцку съ войскомъ своимъ, состоявшимъ изъ Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и избранной варяжской дружины. Городъ взятъ приступомъ, Рогволодъ и его два сына умертвлены (56), Рогнѣда досталась жестокому побѣдѣ

телю, Полоцкъ обращенъ въ Новгородское намѣстничество (57).

XII.

Бракъ Владиміра съ Рогнѣдою имѣлъ великія послѣдствія. Какъ супруга Владиміра она была матерью Изъяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей. Владиміръ, второй Соломонъ въ женолюбіи, оставилъ ее и имѣлъ еще четырехъ женъ и 800 наложницъ! Прекрасная, но злополучная княжна, по ея горестямъ прозванная *Гориславою*, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ — посѣтивъ ея уединенное жилище на берегу Лыбеди, близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино* — заснулъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножомъ умертвить его. Князь проснулся, отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная и горестная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ея, ни бѣднаго младенца, Изъяслава. Раздраженный Владиміръ не внялъ ей, хотя и справедливымъ упрекамъ, и рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одѣждою и, сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой хранилѣ, ждать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступалъ въ эту хранину.... Тогда юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, подаль ему мечъ обнаженный и сказалъ:

«ты не одинъ, о родитель мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ (58)» Владиміръ, бросивъ мечъ на землю, отвѣтствовалъ: «кто зналъ, что ты здѣсь!»... удалился, собралъ бояръ и требовалъ ихъ совѣта, «государь — сказали они — прости виновную для сего младенца и дай имъ въ удѣлъ бывшую область отца ея.» Владиміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Минской губерніи и, назвавъ его *Изяславлемъ* (59), отправилъ туда мать и сына, сдѣлавшагося родоначальникомъ Полоцкаго Княжескаго дома. Еще разъ упоминаетъ преданіе, занесенное въ лѣтописи, о злополучной Рогнѣдѣ. Владиміръ, сочетавшись бракомъ съ Греческою царицею и принявъ вмѣстѣ съ ея рукою христіанство, долженъ былъ разстаться съ своими прежними женами, и дѣло обращенія началъ съ собственнаго семейства. Крестивъ своихъ дѣтей, Владиміръ послалъ къ Рогнѣдѣ сказать ей: «пріявъ нынѣ законъ Христовый, отъ нынѣ я остаюсь съ одною женою, которую поялъ въ христіанствѣ. Избери себѣ любого изъ вельможъ моихъ: да сочетаю тебя съ нимъ бракомъ». Но, ни бѣдствія, ни горе не измѣнили горделивой души матери Изяслава Полоцкаго, Ярослава Великаго и Всеволода Волынскаго. «Иль ты — отвѣчала она — для себя только самаго жаждешь царствія земнаго и небеснаго; а меня лищаешь и здѣшняго скоротечнаго и будущее отнять желаешь. Если ты, оставивъ идолство, обратился на лоно сына Господня; то я, изъ рода державнаго царица, не хочу быть рабою ни царя земнаго, ни его князя; но хочу стать невѣстою Христовой и воспріять на ся ангельскій образъ (60)». Преданіе

прибавляетъ, что немощный съ дѣтства ногами сынъ ея Ярославъ, впослѣдствіи Великій, сидѣвшій въ это время на колѣняхъ у матери, услышавъ такой отвѣтъ посламъ Владиміровымъ, сказалъ со слезами: «О! мати моя! во истину царица еси царицамъ и госпожа господамъ...» сказалъ и — какъ говоритъ преданіе — всталъ на ноги. Рогнѣда, принявшая монашество и съ нимъ имя Анастасіи, скончалась въ 1202 году ⁽⁶¹⁾.

ХІІІ.

Почти сто лѣтъ Радимичи, спокойные данники Великихъ Князей со временъ Олеговыхъ, не извѣстно по какому поводу, вздумали объявить себя независимыми. Владиміръ не замедлилъ привести ихъ къ повиновенію. Храбрый воевода, прозваніемъ Волчій Хвостъ, начальникъ передовой дружины княжеской, встрѣтился съ ними на берегахъ рѣки *Пещаны* ⁽⁶²⁾ и на голову побилъ возставшихъ; они смирились, и съ того времени, пишетъ Несторъ, вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волчьа хвоста бояться*.

О жизни и дѣяніяхъ Изяслава, перваго Полоцкаго князя, нѣтъ никакихъ извѣстій. Ему наслѣдовалъ сынъ его Брячиславъ, внукъ Владиміра и Рогнѣды. Юный Князь хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость отъ Кіева и началъ войну съ Великимъ Княземъ Ярославомъ. Въ 1021 году взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей и съ множествомъ плѣнниковъ возвращался въ свое удѣльное княжество. Ярославъ, выступивъ изъ Кіева,

встрѣтился съ нимъ въ седьмой день его обратнаго похода на берегахъ р. Судомы, въ нынѣшней Псковской губерніи, и тутъ разбилъ его. Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ и вскорѣ примирился съ Великимъ Княземъ, не только оставившимъ его въ покоѣ, но еще увеличившимъ удѣлъ его *Витебскомъ* и *Усвятами*, нынѣшнимъ мѣстечкомъ Витебской Губерніи (63).

Объ этой войнѣ упоминаютъ Исландскія Саги. Варяги или Норманы, служившіе въ то время Русскимъ Князьямъ, рассказывали возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, отчасти и баснословныя: «храбрый витязь Эймундъ, сынъ короля Геймарскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолженіе трехлѣтней войны съ Кіевскимъ Государемъ (Святополкомъ); наконецъ взявъ сторону Брячислава, еще болѣе удивилъ Россіянъ своимъ мужествомъ и хитростію. Этотъ витязь засѣлъ съ товарищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею коня и привезъ ее къ Брячиславу, остыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окружавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, заключивъ миръ съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою областію (?).»

Но эта вражда была лишь только началомъ той ничѣмъ не замиримой вражды, которая вскорѣ открылась между потомками Изяслава и Ярославичами (64).

Князья Полоцкіе, Изяславичи, основываясь на своемъ происхожденіи отъ первой супруги Владиміровой и его старшаго сына, какъ старшіе въ

родъ, считали себя законными наследниками Великокняжескаго престола. Зато Ярославичи всѣми силами души ненавидили ихъ, Изъяславичей; часто — не преклоняемые ни къ единодушію, ни къ міру никакими бѣдствіями отечества, раздрааемаго ихъ междоусобною враждою — они оставляли всѣ споры и ссоры, дѣлались искренними друзьями, когда соединялись противъ князей Полоцкаго дома.

XIV.

Брячиславъ скончался въ 1044 году; наследовавшій ему сынъ его Всеславъ, правнукъ Рогнѣдинъ, ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, считая себя законнымъ наследникомъ Великокняжескаго престола; такъ какъ дѣдъ его Изяславъ былъ старшимъ сыномъ Владиміровымъ. Современный лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая эту жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой этимъ княземъ для закрытія природной на головѣ язвыны (65). Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ въ 1065, неожиданно завоевалъ Новгородъ въ 1067, плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію Ярославичи соединили силы свои и, не смотря на жестокую зиму, осадили Минскъ въ княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріателемъ на берегахъ *Ньмана* (66) покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянь легло съ обѣихъ сторонъ на мѣстѣ. Хотя Ве-

ликій Князь и побѣдилъ, но, еще страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ переговоры и звалъ его къ себѣ. Всеславъ довѣрился и — вѣроломно былъ обмануть. Переѣхалъ Днѣпръ подь Оршею (68); самъ Великій Князь Изяславъ встрѣтилъ его, ввелъ въ свой шатеръ и — какъ думаютъ — по наущенію Святослава — отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу. Но судьба спасла Всеслава изъ рукъ вѣроломныхъ. Послѣ несчастнаго пораженія Россіянъ Печенѣгами на Альтѣ въ 1068, дружина, не успѣвъ упросить Изяслава новымъ подвигомъ загладить стыдъ пораженія, возроптала, чернь взволновалась, разломала темницы, выпустила узниковъ и освободила Всеслава, провозгласивъ его Великимъ Княземъ. Случай — едва ли не единственный въ исторіи! Такимъ образомъ, среди потерянныхъ надеждъ на личную свободу, сверхъ чаянія осуществились честолюбивыя мечты Всеславовы; не долго впрочемъ возсѣдалъ онъ на столѣ великокняжескомъ: всего 7 мѣсяцевъ и 16 дней (69).

XV.

Великій Князь съ братомъ бѣжалъ въ Польшу къ Болеславу II, принявшему его съ радушіемъ и вниманіемъ, должнымъ злополучному Монарху, къ тому же и ближнему родственнику. Король согласился содѣйствовать Изяславу къ возвращенію престола и, весною 1069 г., выступилъ съ войскомъ къ Кіеву. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлграда, гдѣ

уже стоялъ съ войскомъ Кіевскимъ; но уstraшен-
ный силою Поляковъ, а можетъ быть, не вѣря и
усердію своихъ новыхъ подданныхъ, бѣжалъ ночью
изъ стана въ Полоцкъ (69).

Кіевляне покорились, Изъяславъ спѣшилъ отом-
стить Всеславу. Взявъ жаркимъ приступомъ, въ
1070, Полоцкъ, отдалъ его въ удѣлъ Мстиславу,
по внезапной же его кончинѣ Святополку, своему
другому сыну. Но въ то самое время, Когда Изя-
славъ распорядился Полоцкомъ, бодрый Всеславъ,
набравъ войско, гдѣ то въ чуди (Вожанъ около ны-
нѣшняго Ораніенбаума), нечаянно явился подъ стѣ-
нами Новгородца, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ
Святославичъ, переведенный туда отцемъ изъ Тму-
тараканя. Новгородцы, ненавидѣвшіе Полоцкаго
Князя, сразились отчаянно въ пятницу 23 октября
1069 г., разбили его и могли бы взять въ плѣнъ,
но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ. Неу-
томимый Всеславъ сумѣлъ снова овладѣть своимъ
удѣломъ и хотя, въ 1071 г. былъ еще разъ побѣж-
денъ Ярополкомъ, — третьимъ сыномъ Великаго
Князя, гдѣ-то у *Голотичьска* (70) — однако удер-
жалъ за собою Полоцкъ.

XVI.

Послѣ вторичнаго бѣгства и возвращенія въ
1077 г. въ Кіевъ, Ярославичи, опасаясь честолю-
бія непокойныхъ племянниковъ и замысловъ дав-
нишняго врага своего Всеслава, хотѣли удалить
первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вто-
рично изгнать послѣдняго. Ярославичи не разъ хо-

дили къ его столицѣ; но не могли сдѣлать ему большаго зла. Владиміръ Мономахъ въ своей духовной говоритъ, что онъ, бывши Княземъ Смоленскимъ, дважды ходилъ съ войскомъ къ Полоцку: разъ лѣтомъ 1077 г. съ отцемъ своимъ Всеволодомъ Княземъ Черниговскимъ, другой разъ зимою 1078 г. съ Княземъ Новгородскимъ Святополкомъ Изяславичемъ и, выжегши предмѣстія Полоцка, обратился къ Друцку (†). При этихъ нападеніяхъ ни Полоцкъ ни Друцкъ не потерпѣли большаго разоренія; однакожъ Мономахъ изъ Друцка пришелъ къ отцу своему въ Черниговъ съ богатою добычею и подарилъ ему 300 гривенъ, т. е. 150 фунтовъ золота, давши прежде ему и двоюродному брату своему, печальному Олегу Святославичу, роскошный пиръ (79).

Но ни мечь Ярославичей, ни неудачи не поколебали Всеслава, старавшагося уже по крайнѣй мѣрѣ о расширеніи своего удѣла. Послѣ смерти Изяслава, убитаго въ 1078 г. подъ Черниговомъ, престолъ великокняжескій перешелъ къ Всеволоду, отдавшему Черниговское княжество сыну своему Мономаху. Потому, удѣлъ Смоленскій оставался пока не занятымъ. Всеславъ, пользуясь этимъ, осадилъ Смоленскъ. Владиміръ Мономахъ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею, не засталъ Всеслава, но Смоленскъ еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, разорилъ Лукомль, Друцкъ и Логойскъ и пошелъ къ Минску; взявъ его приступомъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скоть у жителей. Такъ этотъ не-

счастнѣйшій городъ вторично пострадалъ за своего Князя (73).

Въ 1101-мъ г. 14 апрѣля скончался въ Полоцкѣ этотъ знаменитый чародѣй, княжившій 57 лѣтъ. Неизвѣстно когда и на комъ женился Всеславъ (74), оставившій шестерыхъ или семерыхъ сыновей: Рогволода, Святослава, Романа, Давида, Глѣба, Ростислава, Бориса и одну дочь (75).

Всеславъ оставилъ Полоцкое княжество съ весьма обширными предѣлами, граничившими къ югу — съ княжествомъ Кіевскимъ и отчасти Черниговскимъ; къ востоку — съ Смоленскимъ, Псковскимъ; къ сѣверу — съ Варяжскимъ моремъ, ибо страна Ятвяговъ и часть Ливоніи зависѣла отъ Полоцка; къ западу — съ Летгалією. Заключало въ собственныхъ предѣлахъ, кромѣ Ливоніи, всю нынѣшнюю Витебскую губернію, часть Могилевской (уѣзды Оршанскій, Сѣнскій, Копыскій, Могилевскій можетъ быть и Быховскій) и части Минской (уѣзды Борисовскій, Минскій, Дисненскій, Игуменскій и, какъ кажется, Слуцкій (76).

XVII.

Со смертію Всеслава исторія Князей Полоцкаго дома становится неразрѣшимо темною; ибо лѣтописи, упоминая объ нихъ случайно, называютъ однимъ именемъ не сказывая ихъ отчества, и наконецъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли по два имени.

Неизвѣстно какъ распорядился Всеславъ своимъ удѣломъ: раздѣлилъ ли онъ, слѣдуя обыкновенію тогдашняго времени, на удѣлы между своими сы-

новьями Полоцкое княжество? Предположеніе, судя по послѣдовавшимъ событіямъ вѣроятное; хотя вскорѣ послѣ смерти Всеслава, встрѣчаются явственно только два удѣла: Полоцкій и Минскій. Послѣдній достался Глѣбу, а послѣ него сыну его Ростиславу; въ первомъ княжили до 1129 года, одинъ за другимъ, Романъ, Рогволодъ и Давидъ Всеславичи, о которыхъ такъ мало говорится, что невозможно показать времени ихъ преемничества.

Смерть Всеслава не прекратила наслѣдственной вражды между его потомствомъ и Ярославичами; хотя младшій его сынъ Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ лично въ станъ соединенныхъ войскъ противъ Половцевъ и принималъ дѣятельное участіе противъ нихъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Святополкомъ-Михаиломъ.

Но не всѣ Всеславичи были подобны Давиду. Вскорѣ, Князь Минскій Глѣбъ, нрава жестокаго и безпокойнаго, своими изувѣрными поступками навлекъ на себя гнѣвъ Великаго Князя Святополка-Михаила, которому онъ, не только отказалъ въ повиновеніи, но даже безпокоилъ набѣгами его собственныя земли. Ополчился наконецъ Великій Князь на Глѣба. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ сынъ Владиміровъ и даже родной братъ Глѣбовъ Давидъ, ходили, въ 1104 г., осаждать Глѣба въ Минскъ, его столицѣ. Но, войско соединенное возвратилось на этотъ разъ безъ успѣха. Ободренный этимъ Глѣбъ угнѣталъ своихъ подданныхъ всевозможными мѣрами и не давалъ покоя сосѣдямъ. Владѣнія его опустѣли: народъ бѣжалъ

въ сосѣднія земли и въ особенности въ Литву Завилейскую, въ которой господствовалъ въ то время Зывибундъ. Князь Минскій часто наѣзжалъ его владѣнія и полонилъ беззащитныхъ земледѣльцевъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Зывибундъ въ свою очередь напалъ на Минское княжество, опустошая его, дошелъ до самой столицы, которую взявши приступомъ, сжегъ и этимъ до того устрашилъ Глѣба, что онъ на долгое время оставилъ его владѣнія въ покоѣ. Но оставивъ Литву, Глѣбъ обратился въ другую сторону, на земли братнія; опустошалъ ихъ волости и уводилъ въ плѣнъ земледѣльцевъ. Отъ Припечи до Днѣпра, отъ верховьевъ Нимана до Двины дымились лучшія деревни и волости подъ его лютыми набѣгами; увлекалъ несчастный народъ въ неволю, продавалъ его въ рабство въ дальнія страны и даже за море, или же селилъ въ пустынныхъ окрестностяхъ Березины. Глѣбъ до того приучилъ бояръ своихъ къ этому изувѣрному промыслу, что они слѣлались истыми торговцами невольниковъ. Повсюду раздались жалобы и ропотъ противу варварскаго промысла. Владиміръ Мономахъ усовѣщивалъ, грозилъ Минскому Князю, заставилъ даже Кіевскаго Митрополита предать анаѣмъ Глѣба и его сподвижниковъ изувѣровъ. Наконецъ, когда и это не образумило ихъ, то самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и Ольговичами, взялъ въ 1116 г., Вячеславъ (?), Оршу, Копись — города, какъ видно, принадлежавшіе къ Минскому княжеству — смирилъ Глѣба и простилъ его (78); но вновь имъ оскорбленный поручилъ, въ 1119 г., сыну своему Ярополку наказать Глѣба и

его бояръ преступныхъ. Явилось множество охотниковъ для этого, какъ бы крестоваго, похода; ибо Глѣбъ и его бояре были прокляты: даже Зывибундъ принялъ въ немъ участіе. Разбивъ на голову Миньчанъ на берегахъ Березины, Ярополкъ пошелъ къ Друцку — удѣлу Минскаго княжества, главному мѣстопробыванію торговцевъ невольниками, взялъ приступомъ крѣпость и, сравнивъ городъ съ землею, жителей переселилъ на новое мѣсто, гдѣ основалъ новый городъ *Новогрудокъ Желній* (78). Глѣбъ отведенъ плѣнникомъ въ Кіевъ, гдѣ и скончался 13-го сентября этого же года.

XVIII.

Наслѣдственная вражда между Ярославичами и Изяславичами принесла наконецъ несчастіе дому Князей Полоцкихъ, которые издавна какъ бы отдѣлились отъ Россіи, желая быть владѣтелями независимыми. Великій Князь Метиславъ, рѣшившись покорить эту древнюю область Кривичей, привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ идти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволоду Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городка; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михайла, изъ Клецка. Всѣ они должныствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день (4-го августа) (79). Всеволодъ Ольговичъ и братья его съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство боя-

рину Войтешичу, въ тоже время шли къ Минскому городу *Стръжеву* (78). Изяславъ взявъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня и спѣшилъ соединиться съ прочими, обступившими Изяславъ, удѣль знаменитой Рогнѣды первой Владиміровой супруги. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Давида Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурина, вевшему съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что эти плѣнники и Брячиславъ довольны умѣренностію побѣдителя, осажденные рѣшились сдаться; но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною тысяцкихъ, посланная въ городъ, бросились всѣ воины, Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечь удержавъ неистовыхъ грабителей; а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ на жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новгородцами въ Полоцкую область: уstraшенные жители не оборонялись, и выслали своего Князя, Давида, на мѣсто котораго, по ихъ желанію, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давилова (79); а чрезъ два года, въ 1129 г., отправилъ почти всѣхъ Полоцкихъ Князей въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ общихъ враговъ отечества, Половцевъ (80). Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ и племянники ихъ, Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми на трехъ ла-

дьяхъ отвезены въ Константинополь; Полоцкое и Минское княжества Мстиславъ отдалъ, въ 1129 г., сыну своему Изяславу.

XIX.

Итакъ, удѣлъ Рогнѣды перешелъ отъ ея потомковъ къ Ярославовымъ; но не на долго.... Услышавъ о смерти Мстислава, послѣдовавшей 15-го апрѣля 1132 года, нѣкоторые изъ Полоцкихъ Князей, въ томъ же году, поспѣшили изъ Константинополя въ Россію, между ними и Василько Рогволодовичъ (РВ). Полочане, пользуясь отсутствіемъ Изяслава, выѣхавшаго въ Переяславль, выслали брата его Святополка и признали Княземъ своимъ Василька (ВФ). За Изяславомъ осталось пока одно лишь Минское княжество. Василько оставилъ о себѣ память великодушнаго князя. Сынъ Мстислава Всеволодъ, изгнанный недавно Новгородцами, возвращаясь снова въ столицу своевольнаго народа, по пути проѣзжалъ чрезъ область Полоцкую въ 1137 г. Василько выѣхалъ ему на встрѣчу; хотя теперь онъ имѣлъ удобный случай отомстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, самъ съ честью проводилъ его чрезъ свои области и на всегда остался вѣрнымъ союзникомъ Всеволодовымъ. Для прекращенія вражды Великій Князь Всеволодъ женилъ, въ 1143 г., сына своего юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а въ 1144 г. Изяславъ Мстиславичъ выдалъ свою за Рогволода Бо-

рисовича, позвавъ къ себѣ въ Переяславль на свадебный пиръ Всеволода, супругу его и бояръ Кіевскихъ (85).

XX.

Въ это время Полочане едва ли уступали въ своей воліи Новгородцамъ. Не извѣстно долго ли Василько княжилъ въ Полоцкѣ; знаемъ только, что въ 1151 году Полоцкимъ Княземъ былъ Рогволодъ Борисовичъ, котораго Полочане, въ этомъ году, безъ всякой причины свергнули съ престола, заточивъ его въ Минскъ и избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, а Святослава Черниговскаго покровителемъ ихъ области (86).

Изгнанный мятежными Полочанами Рогволодъ Борисовичъ не могъ равнодушно переносить не заслуженнаго безчестія и ждалъ только благоприятныхъ обстоятельствъ. Спасшись изъ заточенія, ушелъ въ Слуцкъ и, получивъ здѣсь вспомогательную дружину отъ Святослава Черниговскаго, съ презрѣніемъ отвергшаго предложеніе своевольныхъ гражданъ Полоцка, зная чрезъ своихъ повѣренныхъ о добромъ расположеніи къ нему Дручанъ, въ 1158 г., пошелъ къ Друцку. Когда началъ приближаться къ этому городу, болѣе 300 ладей Дручанъ и Полочанъ выѣхало на встрѣчу ему и онъ съ великою честію вошелъ въ городъ. Друцкъ въ то время былъ уже особеннымъ удѣломъ, въ которомъ княжилъ сынъ Полоцкаго Князя Глѣбъ Ростиславичъ, правнукъ Всеслава. Принявъ Рогволода, Дручане выслали Глѣба, ограбивъ его домъ,

боярь и друзей послѣдняго (33). Отець Глѣбовъ, Ростиславъ Глѣбовичъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами и, взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ его искать міра: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ дружбѣ и нарушилъ ее вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: «Князь добрый! мы виновны свергнувъ тебя съ престола и разграбивъ твое имѣніе: не помни зла и возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ Ростислава Глѣбовича.» Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго въ трехъ верстахъ отъ города въ загородномъ своемъ помѣстьѣ *Бѣлчицахъ* (34), въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ, на канунѣ праздника Св. Петра и Павла, т. е. 28 іюня. «Вчера я былъ у васъ — отвѣтствовала Ростиславъ — для чего же вы не говорили о дѣлахъ?» однакожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный отрокъ княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на вѣчѣ и лилъ кровь боярь, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину въ Бѣлчицахъ, удалился въ Минскъ къ брату Володарю, опустошая огнемъ и мечемъ на пути своемъ и грабя жителей Полоцкой области; а Рогволодъ, прибывшій въ Полоцкъ въ іюль, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, почитая

необходимымъ смирить Глѣбовичей, отнялъ Изяславль у Всеволода и хотя простоялъ десять дней безъ успѣха подъ Минскомъ, однакожь предписалъ миръ Ростиславу: самъ остался Княземъ Полоцкимъ, Всеволоду далъ *Стръжевъ*. (89), Изяславль Брячиславу Васильковичу и возстановилъ тишину, но кратковременную.

Глѣбовичи не хотѣли покориться и первые нарушили миръ съ Рогволодомъ Полоцкимъ: въ 1159 году нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ Князей *Володшу* и *Брячислава* Васильковичей въ оковы. Рогволодъ, получивъ отъ Великаго Князя въ помощь 600 Торковъ, въ этомъ же году ходилъ съ Полочанами къ Минску противъ Ростислава Глѣбовича, но возвратился безъ успѣха: Торки, потерявъ, по причинѣ гололедицы, лошадей, пѣшіе возвратились обратно въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ, 1160 году, опять пошелъ туда и кончилъ миромъ: Васильковичи освобождены (90).

XXI.

Но, усмирая непокорныхъ племянниковъ, Рогволодъ самъ утратилъ Полоцкъ. Въ 1161 г. пошелъ онъ на Володаря Глѣбовича къ Городку (91); ночью встрѣтилъ его Володаръ съ Литвою. Полочане не устояли: много ихъ было убито, много взято въ плѣнъ. Рогволодъ, потерявъ много войска, убоялся показаться въ мятежный Полоцкъ и бѣжалъ въ Слуцкъ, оттуда въ Друцкъ, принадлежавшій или ему или его сыну. Полочане признали своимъ Княземъ его роднаго племянника Всеслава Василькови-

ча. Но мятежный Володарь не оставилъ въ покоѣ и Всеслава и, въ 1166 г., выгналъ его изъ Полоцка; Всеславъ бѣжалъ въ Витебскъ къ Давиду Ростиславичу, княжившему здѣсь съ 1165 года. Володарь пошелъ и на Витебскъ; оба войска расположились по обѣимъ сторонамъ Двины; Давидъ не рѣшался дать битвы и ждалъ помощи отъ брата (?) Романа Князя Смоленскаго. Странный случай помогъ ему побѣдить Володаря. Въ полночь слышался шумъ, какъ бы отъ войска, бродившагося чрезъ рѣку; Володарь, объятый страхомъ — показалось ему, что съ одной стороны идетъ на него Давидъ, съ другой Романъ — обратился въ бѣгство. Теперь Давидъ и въ самомъ дѣлѣ началъ преслѣдовать бѣжавшихъ, полонилъ многихъ заблудшихъ въ лѣсу и снова ввелъ Всеслава въ Полоцкъ къ удовольствію народа.

XXII.

Рогволодъ остался въ Друцкѣ, повидимому и не домогался уже Полоцка, дважды утраченнаго чрезъ вѣроломство его гражданъ ⁽⁸⁸⁾₍₉₂₎. Сынъ его Глѣбъ, какъ кажется, не любилъ своихъ родственниковъ и удалялся отъ общаго союза съ ними; ибо когда Святославъ Черниговскій вздумалъ возстановить славу Кіева, утратившаго свое первенство съ 1169 г., то противъ Суздальскаго Великаго Князя Всеволода Андреевича ему помогали почти всѣ Полоцкіе владѣтели: Всеславъ Васильковичъ Полоцкій, братъ его Брючиславъ Витебскій, Всеславъ Микуличъ Логожскій, каждый съ своею дружиною, а Всеславъ

Полоцкій даже съ Литовцами и Ливонцами ⁽⁸⁹⁾.
Братъ Святославовъ Ярославъ Всеволодовичъ ждалъ
ихъ съ Половцами около Друцка куда прибыли и
Полоцкіе владѣтели. Одинъ лишь Глѣбъ Рогволодо-
вичъ не хотѣлъ присоединиться къ нимъ и держалъ
сторону брата Кіевского Князя Давида Растислави-
ча, соединившагося вскорѣ съ Глѣбомъ въ Друцкѣ.
Долго оба войска стояли въ виду другъ друга по
обѣимъ сторонамъ рѣки Друти; ибо Ярославъ не
желая начинать сраженія прежде прихода Свято-
слава, засѣлъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Только
Давидовы копейщики, переѣзжая Друть, часто на-
чиная драку съ войскомъ Черниговскимъ. Но вотъ
явился сынъ Святославовъ съ Новгородцами: все
союзное войско переправилось чрезъ Друть, и Да-
видъ, видя превосходство враговъ, ночью бѣжалъ
въ свой удѣлъ. Святославъ приступилъ къ почти
беззащитному Друцку, и, обративъ въ пепель его
внѣшнія укрѣпленія, пошелъ къ Рогачеву, откуда по
Днѣпру поплылъ къ Кіеву.

Неизвѣстно когда умеръ Всеславъ Васильковичъ
и что произошло послѣ него въ Полоцкѣ; кажется
этотъ своевольный городъ не хотѣлъ уже вовсе
имѣть Князя и обратился въ республику ⁽⁹⁰⁾. Ка-
жется также, что Василько Володаревичъ Логойскій
и Глѣбъ Рогволодовичъ Друцкій старались завла-
дѣть Полоцкомъ, но безуспѣшно; хотя и получили
содѣйствіе къ этому Давида Смоленскаго и сына его
Мстислава Новгородскаго. Зимой 1185 г., силы со-
единенныхъ Князей приблизились къ границѣ По-
лоцкой; но Полочане, встрѣтивъ ихъ близъ нынѣш-
няго Невеля на рѣчкѣ Еменкѣ дарами, остановили

грозное шествіе миромъ, на условіяхъ намъ неизвѣстныхъ (81).

Съ конца XII вѣка начинаютъ исчезать съ лица исторіи потомки злополучной Гориславы — для нихъ созрѣвала новая судьба, готовились великіе перевороты для земли Всеславовой.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Литва покоряетъ земли Кривскія.

Усиленіе Литвы при Кернусѣ и Ердзвиллѣ. — Набѣги. — Княжество Литовско-Завилейское. — Мингаило покоряетъ Полоцкъ. — Княжество Литовско-Полоцкое. — Гинвиллѣ. — Борисъ Рогволодъ. — Потомки Рогвѣды мало по малу исчезаютъ съ лица исторіи.

XXIII.

Въ то время, когда Русь обуреваема была внутренними смутами, а Полоцкіе владѣтели, запутавшись въ мелочные распри, тратили и время и силы другъ противу друга, сосѣдственная страна — Литва усиливалась, росла въ могущество и славу.

Уже внукъ Палемона Кернусъ, около 1048 г., завладѣлъ значительною частію земель Кривскихъ до р. Дзитвы; владѣнія его простирались до Семигаліи, до лѣваго берега Двины и до земель Бреславльскихъ (92). Завоеваніе земель Кривскихъ, случившееся почти одновременно съ завоеваніемъ земель Литовскихъ Россіянами, подала ему возможность основать первое Литовское княжество — *Литовско-Завилейское*, бывшее, по составу своихъ жителей, ни чѣмъ инымъ какъ собственно Литовско-Крив-

скимъ или Литовско-Русскимъ. Жители этого княжества Кривичи, хотя и различнаго съ Литовцами происхожденія, но, какъ думаютъ, исповѣдывали одинаковую съ ними вѣру — обстоятельство много способствовавшее Кернусу не только къ покоренію Кривичей, но и къ упроченію новаго княжества, которое подъ властію самостоятельнаго Князя мало по малу окрѣпло и до того усилилось, что съ этого времени лѣтописцы начинаютъ примѣчать край новѣйшій — Литву. Послѣдовавшія событія, обуревавшія Россію съ 1055 по 1058 г., много способствовали къ утвержденію могущества новой державы; ибо Кернусъ, пользуясь этимъ, собравъ съ братомъ своимъ Гимбутомъ войско около Виліи и на Жмуйду проникъ еще глубже въ земли Кривскія: Полоцкъ и Бреславль видѣли Литовскихъ наѣздниковъ, страшнымъ образомъ опустошившихъ эти страны (93). Смуты продолжались въ Россіи — и Литва усиливалась на счетъ ея. Внукъ Гимбутовъ Ердзвилль освободивъ въ 1065 г. изъ подъ власти Князей Русскихъ *Перому* и *Пелузю* (94), основалъ изъ нихъ и еще земель Литовскихъ на правомъ берегу Р Виліи второе Литовское княжество, назвавшееся *Верхнею-Литвою* (*auhtete Lietua*) для отличія отъ Литвы нижней или Жмуйды (*Zomaiten*) (95).

XXIV.

Въ то время, когда въ концѣ XII столѣтія Князья Русскіе заняты были то Половцами, то внутренними распрями, въ умѣ Литовскаго Князя стараго Мингайлы созрѣвали великіе планы — расширенія сво-

ихъ предѣловъ на счетъ земель Русскихъ. И потому — сперва, какъ бы только пробуя силы, въ 1183 г. — перешелъ Двину и опустошилъ Псковскія земли; а въ слѣдующемъ, среди жестокой зимы, напалъ на земли Псковитянъ и Новгородцевъ, нечаявшихъ во все этого нападенія. Лѣтописи упоминаютъ о многихъ набѣгахъ Литовскихъ, но — по словамъ ихъ — еще никогда не были они столь лютыми, какъ въ этомъ году.

Наконецъ, старый Мингаило рѣшилъ. Утвердивъ на престолѣ княжества, основаннаго Ердзвилломъ, внука своего, Тройната Скирмундовича; для сына своего, Гнивилла, задумалъ завоевать новую область — выборъ его палъ на земли Кривскія. Неизвѣстно, почему именно Мингаило оставилъ въ покоѣ тѣ земли, которыя находились ближе, по лѣвую сторону Двины: потому ли, что онѣ были въ сосѣдствѣ съ княжествомъ Литовско-Завилейскимъ и тамошній Князь, быть можетъ, имѣлъ на нихъ свои виды; или же потому, что съ владѣтелями этихъ земель былъ онъ въ дружественныхъ сношеніяхъ? Слово, выборъ его палъ на Полоцкъ, сдѣлавшійся — какъ мы уже видѣли — послѣ 1181 г. вольнымъ городомъ, и на участь котораго по этому самому Кривскіе владѣтели смотрѣли равнодушно.

Въ 1190 г. Мингаило выступилъ противу Полоцка ⁽⁹⁸⁾₍₁₀₀₎; Полочане встрѣтили его, подъ Городиномъ или Городцомъ, гдѣ, въ кровопролитномъ но рѣшительномъ боѣ, легли почти всѣ до единого храбрые защитники независимости. Полоцкъ отворилъ врата своей побѣдителю — явилось третье Литовское княжество: *Литовско-Полоцкое* ⁽⁹⁷⁾₍₉₉₎. Утвердивъ здѣсь

власть свою, Мингаило передалъ Гинвиллу; самъ же, удалившись въ Литву, скончался въ 1192 г. въ Новогрудкѣ—Троцкомѣ.

XXV.

Новый Князь—вдали отъ родственниковъ, владѣя княжествомъ иноплеменнымъ—спѣшилъ сблизиться съ Князьями Русскими, войти съ ними въ родственныя отношенія. Принявъ православіе, а съ нимъ имя Георгія, сочетался бракомъ съ Марією, дочерью Тверскаго князя Бориса ⁽⁹⁸⁸⁾₍₁₀₉₂₎, на 66 году своей жизни, ибо родился въ 1125 г. Воевавъ нѣкоторое время съ Псковомъ и Смоленскомъ за границы своихъ владѣній, скончался въ 1199 г. въ Оршѣ ⁽⁹⁹⁾₍₁₀₉₉₎.

Сынъ и наследникъ его Борисъ отличался, по словамъ лѣтописи, большею набожностію. Ему приписывается построение въ Полоцкѣ церквей: во имя Премудрости или Софійской, Борисоглѣбской на р. Бѣлчицею и еще Пятницкой ⁽¹⁰⁹⁾₍₁₀₉₉₎. Издержки на сооруженіе столькихъ храмовъ, въ то время, были весьма значительны и тѣмъ болѣе еще потому, что по сказанію Стрыйковскаго—нужные для нихъ матеріалы—кирпичъ, извѣсть и прочее—привозились были по Двинѣ изъ Лифляндіи. Сказаніе вообще невѣроятное, отчасти правдоподобное, вѣроятное, ибо Нѣмцы въ Ливоніи, уже со времени Мейнгарда имѣли достаточное число необходимыхъ ремесленниковъ. Борисъ Гинвилловичъ—воевавъ нѣкоторое время съ Смоленскомъ, Витебскомъ, Псковомъ и Новгородомъ—скончался въ 1206 г. ⁽¹⁰⁴⁾₍₁₀₅₎, возвративъ предъ смертію Полочанамъ, всѣ права и привилегіи

отнятыя у нихъ дѣдомъ его, Мингайломъ. Тѣло его погребено въ Софійскомъ храмѣ ⁽¹⁰²⁾₍₁₀₃₎.
Борису наследовалъ сынъ его Рогволодъ, въ православіи Василій, княжившій независимо въ Оршѣ и съ правами ограниченными въ Полоцкѣ. Во время этого Князя — погибшаго въ 1223 г., на 69 году отъ рожденія въ Дерптѣ — случились великія событія въ Ливоніи и Семигаліи — о чемъ расскажем ниже. Онъ имѣлъ сына Глѣба, котораго ни день рожденія, ни смерти неизвѣстны ⁽¹⁰⁵⁾₍₁₀₇₎.

XXVI.

Итакъ Полоцкѣ — главный удѣлъ потомковъ Изяслава Владиміровича — уже не принадлежалъ имъ. Что происходило въ это время въ прочихъ удѣлахъ Полоцкаго княжества? Неизвѣстно. Позволительно однако думать, что Князья ихъ, низшедшіе на степень мелкихъ владѣтелей, еще нѣкоторое время сохраняли тѣнь самостоятельности, по крайней мѣрѣ до Рингольта, при которомъ почти весь Бѣлорусскій край, кажется, уже принадлежалъ Литвѣ. Одинъ лишь удѣлъ Витебскій еще долго, до Ольгерда, сохранялъ какъ то свою независимость; но независимость, имѣвшую лишь тѣнь самобытности. Витебскъ, какъ удѣлъ слабый — заключавшійся въ нынѣшнихъ Витебскомъ, Городецкомъ и Суражскомъ уѣздахъ Витебской губерніи — зависѣлъ отъ ближайшихъ сосѣднихъ княжествъ, Черниговскаго и Смоленскаго. Подобнаго же рода самостоятельности пользовались и прочіе удѣлы Полоцкаго княжества до совершеннаго покоренія ихъ Литовцами;

такъ какъ Мингаило, покоривъ Полоцкъ, владѣлъ уже почти всею нынѣшнею Витебскою губерніею, за исключеніемъ Витебскаго удѣла и нынѣшняго Велижскаго уѣзда, принадлежавшаго Смоленскому княжеству. Сильное вліяніе Черниговскихъ и Смоленскихъ Князей на Кривскихъ владѣтелей, утвердившееся чрезъ не примиримую взаимную ихъ вражду, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго событія. Безпокойный Ярославъ Черниговскій никакъ не могъ ужиться съ Ростиславичами — Рюрикомъ Кіевскимъ и Давидомъ Смоленскимъ; что бы успокоить его и примирить съ собою и братомъ, Кіевскій Князь обѣщалъ *исходатайствовать* ему у брата Витебскъ, въ которомъ княжилъ зять Давидовъ Василько Брючиславичъ. Но Ярославъ не захотѣлъ воспользоваться великодушной уступкою, а рѣшился взять Витебскъ силою. Племянникъ его, Олегъ Святославичъ, съ сыновьями самаго Ярослава, въ концѣ зимы 1196 г., выступилъ съ войскомъ къ Витебску и началъ грабить область Смоленскую. Племянникъ Давидовъ, Мстиславъ Романовичъ, спѣшилъ съ оппоромъ; но Олегъ уже соединился съ Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ ⁽¹⁰⁴⁾₁₀₈ и занялъ выгодное мѣсто. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую; но дружина Борисова ударила съ тылу на полки Мстиславовы и — этотъ храбрый Князь, окруженный рядами непріятелей, принужденъ былъ сдаться Князю Друцкому Борису, у котораго Олегъ выпросилъ его себѣ и отвелъ плѣнникомъ въ Черниговъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Утрата Ливоніи; усиленіе Литвы.

Зависимость южной Ливоніи отъ Полочанъ. — Прибытіе купцовъ Нѣмецкихъ. — Торговля конторы. — Миссіонеры. — Мейнгардтъ. — Бартольдъ. — Альбертъ. — Основаніе Гольма, Иксуля, Риги. — Учрежденіе ордена Меченосцевъ. — Столкновеніе съ Князьями Полоцкими. — Владиміръ. — Альбертъ и Василій. — Угнѣтеніе жителей. — Возстаніе. — Герсике и Вячко. — Литва усиливается. — Ердзвилль покоряетъ нынѣшнюю Бѣлоруссію и Смоленскъ. — Миндовгъ. — Тевтовилль въ Полоцкѣ, Арвидъ въ Рогачевѣ, Тройцать на Жиуйли. — Междоусобіе. — Полоцкъ подаренъ Ордену. — Убіеніе Миндовга, Тевтовилла, Тройцата. — Люхаворъ въ Полоцкѣ. (стр. 84)

XXVII.

Семигаллія и южная Ливонія съ древнѣйшихъ временъ находилась въ зависимости отъ Кривичей или Полочанъ; но когда Литва при Кернусѣ стала усиливаться, то жители Семигалліи открыто начали стараться объ освобожденіи изъ подъ власти ихъ. Полоцкій Князь Всеславъ Брячиславичъ посылалъ сыновей своихъ Юрія и Давида на усмиреніе жителей Семигалліи, которые, соединившись съ Литовцами, въ рѣшительномъ сраженіи разбили па

голову князей, потерявшихъ 9,000 войска ⁽¹⁰⁵⁾₍₁₀₄₎. Былиль дѣлаемы послѣ этого Полоцкими Князьями попытка къ утверженію своей власти надъ Семигалією? Неизвѣстно; однако послѣдующія событія обнаруживаютъ, что южная Ливонія обязана была данью Полочанамъ.

4 Съ начала XII вѣка начали посѣщать устья Двины Бременскіе и Любскіе купцы, которые—мало по малу углубляясь во внутрь страны—основали наконецъ складочное мѣсто при Двинѣ, Иксуль (Yskeskola). За купцами явились Миссіонеры и первый изъ нихъ Мейнгардъ—мужъ, отличавшійся истинно апостольскими качествами, прибывъ въ 1186 г.—почелъ для себя первою обязанностію испросить на проповѣдываніе слова Христова между язычниками. дозволеніе у Князя Псковскаго и Новгородскаго Владиміра Мстиславича ⁽¹⁰⁶⁾₍₁₁₀₎, который не только согласился на это, но даже отпустилъ Мейнгарда съ дарами, не предвидя слѣдствій, которымъ вскорѣ надлежало открыться отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго.

XXVIII.

Мейнгардъ построилъ церковь въ Уксулѣ и успѣлъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро ливовцы напали на окрестности Уксуля; Мейнгардъ съ жителями послѣдняго укрылся въ лѣсахъ, гдѣ имѣлъ бой съ врагами. По удаленіи ихъ, онъ началъ укорять Ливовъ за то, что они живутъ такъ оплошно, не имѣютъ крѣпостей и обѣщалъ построить имъ крѣпкіе замки, если они за это обяжутся при

нять христіанство. Ливы согласились; и на слѣ-
 дующее лѣто явились изъ Готланда строители и
 каменосѣчцы. Еще прежде чѣмъ начали строить
 замокъ Уксуль, часть народа окрестилась, осталь-
 ные обѣщали креститься какъ скоро весь замокъ
 будетъ готовъ. Замокъ выстроили, Мейнгардъ
 посвященъ въ Епископы; но никто не думалъ
 креститься. Подъ условіемъ такого же обѣщанія
 выстроили другой замокъ—Гольмъ, и такъ же никто
 не думалъ принимать христіанства; мало того, языч-
 ники начали явно обнаруживать непріязненные на-
 мѣренія противъ Епископа, грабили его имѣніе,
 били его домашнихъ; но всего больше огорчало
 Мейнгарда то, что уже и крещеные туземцы стали
 погружаться въ Двину, чтобъ, по ихъ словамъ,
 смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Герма-
 нію ⁽¹⁰⁷⁾_{///}. У Мейнгарда былъ товарищъ въ дѣлѣ
 проповѣди, братъ Теодорихъ, монахъ Цистерціен-
 скаго ордена: этого Теодориха Ливонцы вздумали
 однажды принести въ жертву богамъ, чтобы жатва
 была обильнѣе, чтобы дожди не повредили ей. На-
 родъ собрался, положили копье на землю, вывели
 священнаго коня, смотрять, какою ногою прежде
 ступить конь: правою — опредѣлить смерть, лѣ-
 вою жизнь; конь ступаетъ ногою жизни; но волхвъ
 противится, утверждаетъ, что тутъ чары со сто-
 роны враждебной религіи: опять ведутъ коня, опять
 ступаетъ онъ лѣвою ногою и Теодорихъ спасенъ.
 Въ другой разъ тотъ же Теодорихъ находился въ
 Эстоніи, когда въ день св. Іоанна Крестителя слу-
 чилось солнечное затмѣніе: несчастному грозила
 опять страшная опасность отъ язычниковъ, кото-

рые приписали затмѣніе ему, говоря: это ты пожираешь солнце.

Когда Мейнгардъ увидѣлъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христіанство между Ливами, то отправилъ посла къ Папѣ представить жалкое положеніе юной церкви: Папа повелѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытія крестоваго ополченія: умеръ въ 1196 г. Въ этомъ же г., Датскій Король Кануть VI присталъ къ Эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Между тѣмъ, Ливонскіе христіане отправили посольство къ Бременскому архіепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду. Новый епископъ Бартольдъ явился сперва безъ войска, собралъ туземныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощеніями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа: сжечь ли его въ церкви, или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германію, откуда послалъ къ Папѣ съ извѣстіемъ о своемъ печальномъ положеніи. Папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ противъ Ливонцевъ; вслѣдствіе чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которыми онъ и отправился назадъ въ Ливонію. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско? Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для

наказанія отступниковъ, то Ливонцы велѣли отвѣчать ему: «Отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое епископство: кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться христіанами, другихъ убѣждай словами, а не палками.» Урокъ не подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участіе въ битвѣ между крестоносцами и туземцами, и когда послѣдніе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы воспользовались своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены къ покорности, крестились, приняли къ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержаніе извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы начали окунываться въ Двину, чтобъ смыть съ себя крещеніе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать то же и съ купцами, но тѣ задарили старшинъ, и остались ⁽¹⁰⁸⁾. 112

Скоро возвратились священники; съ ними пріѣхалъ новый епископъ Альбертъ въ сопровожденіи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Альбертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ предназначено измѣнять бытъ старыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ. Прибывъ въ Ливонію, онъ мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ; нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами; съ изумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли, и достигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа,

онъ долженъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новопривышіе крестоносцы освободили его; но Альбертъ хорошо видѣлъ, что съ помощію этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливоніи. Туземцы не могли устоять противъ искуснаго нѣмецкаго войска, потерпѣвъ поражение, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обѣщаясь принять христіанство; но стоило только крестоносцамъ сѣсть на корабли, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришлецовъ. Нужно было слѣдовательно вести борьбу не временными, случайными наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлю, въ 1200 г., Альбертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было еще дать населеніе новому городу и Альбертъ самъ ѣздилъ въ Германію набирать колонистовъ и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ нѣмецкимъ населеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ враждебными туземцами; нужно было слѣдовательно постоянное военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянной борьбы съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Альбертъ сперва началъ было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ замки въ ленное владѣніе; но это средство могло вести къ цѣли только очень медлен-

но, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно основаніе ордена воинствующихъ братій, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ. Папа Инокентій III одобрилъ мысль Альберта, и въ 1202 г. учредилъ *орденъ рыцарей Меча*, получившій уставъ храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звѣзду. Первымъ магистромъ ихъ былъ Винно фонъ Рорбахъ.

XXIX.

Такимъ образомъ Нѣмцы стали твердою ногою при устьѣ Двины; какъ же смотрѣли на это Князья Полоцкіе? Въ то время въ Полоцкѣ княжилъ Борисъ Гнивилловичъ. Желая ли вытѣснить не званыхъ пришлецовъ въ самомъ началѣ ихъ водворенія, или по просьбѣ самихъ Латышей, напалъ въ 1203 г. съ войскомъ на Лифляндію, осадилъ Иксуль или Уексколу и, взявъ окупъ, подступилъ къ Гольму; однако же, нашедъ его хорошо укрѣпленнымъ, обратно возвратился въ Полоцкъ лѣвымъ берегомъ Двины ⁽¹⁰⁹⁾. // 3

Почти одновременно съ нимъ и другой какой-то владѣтель Двинскаго княжества *Герсике*, князь или ярль — *Всеволодъ*, подошевъ лѣвымъ берегомъ Двины къ Ригѣ, заgrabилъ пасшійся скотъ, захватилъ въ плѣнъ двухъ священниковъ и хотя не рѣшился осадить Ригу, но за то отразилъ высланную за нимъ погоню ⁽¹¹⁰⁾. // 4

Вѣроятно, подобныя обстоятельства заставили

Альберта подумать о сближеніи съ Полоцкимъ Княземъ, на котораго онъ до этого времени, какъ кажется, мало обращалъ вниманія. Желая безпрепятственно утвердиться въ низовьяхъ Двины, Альбертъ, рѣшившись на время усыпить вниманіе Полоцкаго Князя, и потому отправилъ къ нему аббата Феодориха съ подарками и дружелюбными предложеніями. Прибывъ въ Полоцкъ, Феодорихъ узналъ, что тамъ находятся посланцы отъ старшинъ Ливонскихъ, пріѣхавшіе жаловаться князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришлецовъ. Въ присутствіи Ливонцевъ, Князь спросилъ Феодориха, за чѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира. Князь отпустилъ Епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали объ его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но аббату удалось подкупить одного боярина, открывшаго ему, что русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришлецовъ; аббатъ не терялъ времени: отыскавъ какого то нищаго въ городѣ изъ Гольма, нанялъ его отнести къ Епископу въ Ригу письмо, извѣщавшее о всемъ виденномъ и слышанномъ. Епископъ приготовился къ оборонѣ; а Князь, узнавши, что его намѣренія открылись, вмѣсто войска отпривилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны—какъ Епископа, такъ и Ливонцевъ—и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, пріѣхавъ въ Кукейнось, послали

оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ епископу звать его на съѣздъ съ ними и съ ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ; а сами, между тѣмъ, разсѣялись по странѣ для созванія туземцевъ. Альбетръ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что, по обычаю всѣхъ земель, послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ на встрѣчу. Междутѣмъ Ливонцы — собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что нѣмцы не явились на съѣздъ — рѣшили захватить замокъ Гольмъ, и оттуда наступить на Ригу. Но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерпѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ — изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу — они принуждены были снова покориться пришельцамъ. Въ часлѣ убитыхъ находился старшина Аго, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: это онъ возбудилъ Полоцкаго Князя противъ Рижанъ и онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію поднималъ противъ христіанъ ⁽¹¹¹¹⁾. Епископъ послѣ обѣдни еще находился въ церкви, когда рыцарь поднесъ ему окровавленную голову Аго, какъ вѣсть побѣды ⁽¹¹¹²⁾. // 7

XXX.

Наслѣдникъ Борисовъ, сынъ его Василій Рогволодъ, владѣвшій и частию Ливоніи — гдѣ онъ имѣлъ укрѣпленный замокъ Кукенмойсъ (дворъ Кукена), нынѣшній Кокенгузень; зная о могуществѣ Нѣмцевъ, которыхъ владѣнія распространялись такъ

быстро, что уже находились въ двухъ миляхъ отъ его замка — не имѣя возможности удалить пришлецовъ, рѣшился войти съ ними въ дружественныя сношенія, о чемъ уже помышлялъ и отецъ его, еще въ 1204 году. Отправивъ впередъ посла, самъ поплылъ вслѣдъ за нимъ Двиною; встрѣтились дружески съ Епископомъ и, заключивъ договоръ, Князь весело возвратился въ свою столицу ⁽¹¹³⁾. 118

Однако миръ продолжался не долго: Латыши съ своей стороны отправили къ Князю пословъ, которые — изобразивъ всѣ, претерпѣваемыя имъ отъ Нѣмцевъ угнѣтенія и обиды и замыслы ихъ на дальнѣйшія завоеванія — убѣдительно просили Князя спасти ихъ народъ несчастный, къ чему представлялся удобный случай: Епископъ отправился съ рыцарями въ Германію, оставивъ Иксуль, Гольмъ и самую Ригу беззащитными. Легковѣрный Князь тѣмъ легче повѣрилъ, тѣмъ скорѣе согласился исполнить просьбу Латышей, что самъ съ неприязнію взиралъ на опасное сосѣдство. Собравъ войско, пригласивъ сосѣдственныхъ Князей и Литовско-Завилейскаго Князя Утенеса, Полоцкій Князь съ весьма значитѣльными силами отправился въ 1205 г. на ладьяхъ по Двинѣ въ Ливонію. Обложилъ Иксуль, но сверхъ всякаго чаянія нашелъ его хорошо защищеннымъ; напалъ на Гольмъ и — тоже безуспѣшно. Болѣе всего ужаснули Россіянъ метательные снаряды Нѣмцевъ, которые метая камнями не дозволили осаждавшимъ сжечь крѣпости, для чего уже много было подвезено и лѣса и прочаго горячаго матеріала. Со всѣмъ тѣмъ, Россіяне продолжали осаду упорно, успѣли и сами устроить мета-

тельный снарядъ, но дѣйствовали имъ такъ неловко, что камни летали не впередъ, а назадъ и разили своихъ. Наконецъ, потерявъ и терпѣніе и надежду на успѣхъ, отступили отъ Гольма, бывшаго въ дѣйствительной опасности; ибо горсть Нѣмецкихъ воиновъ, 20 человекъ, принужденная бодрствовать день и ночь въ замкѣ — куда собралось множество вѣроломныхъ Латышей, сносившихся съ обѣими сторонами — дошла до крайняго изнуренія и принуждена была бы сдаться, если бы осада продлилась хотя сколько нибудь долѣе. Во время этой осады Рига тоже находилась въ большой опасности; но ея малочисленный гарнизонъ прибѣгнулъ къ хитрости: набилъ все пространство около крѣпости желѣзными, прикрытыми землею гвоздями (chaussetrappes) и посланный къ Ригѣ подѣздъ, потерявъ много лошадей, возвратился съ извѣстіемъ о страшномъ, невѣдомомъ изобрѣтеніи Нѣмцевъ. Къ довершенію всего, другой подѣздъ, отправленный для наблюденія къ морю, возвратился съ извѣстіемъ, что къ Ригѣ приближается огромный флотъ. Россіяне въ ужасѣ, оставивъ одиннадцатидневную осаду Гольма, поспѣшно удалились восояси, не причинивъ малѣйшаго вреда ни крѣпости, ни слабому ея гарнизону, потерявшему одного лишь хорунжаго въ продолженіе всей этой осады (114). 119

XXXI.

Но, неудачный походъ дотого уронилъ Полоцкаго Князя во мнѣніи его союзниковъ Литовцевъ, что они начали опустошать его владѣнія въ Ливо-

нии: окрестности Кокенгаузена и область Торейду. Подобныя обстоятельства заставили Василя-Рогволода искать помощи даже у врага своего епископа Альберта, и — коль скоро узналъ о возвращеніи его изъ Германіи — самъ лично отправился къ нему въ Ригу, гдѣ былъ принимаемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней со всевозможнымъ радушіемъ и почестями въ собственномъ домѣ епископа, отсутствующаго Князя съ богатыми дарами. При этомъ заключенъ былъ миръ и договоръ: Полоцкій Князь уступилъ Альберту половину своихъ владѣній Кокенмойскихъ и половину замка (?) на ленномъ правѣ; Епископъ же съ своей стороны обязался защищать его противъ Литовцевъ. — Все это произошло въ 1206 г.

Кажется, Епископъ свято исполнялъ условія договора. Грозно отозвался къ Литовцамъ, чтобы они прекратили свои хищническіе набѣги на Ливонскіе владѣнія Полоцкаго Князя, если не хотятъ имѣть дѣла съ Орденомъ. Но, Литовцы не вняли этому; напротивъ того, еще болѣе раздраженные угрозами, въ этомъ же году, въ канунъ праздника Рождества Христова, напали на область Торейду и, переправившись на разсвѣтѣ чрезъ рѣку Гойву, разграбили въ самый праздникъ деревни, жители которыхъ едва успѣли скрыться въ лѣсахъ. Ограбивъ всю область и переночевавъ въ деревнѣ Аннонѣ, утромъ съ добычею и плѣнными отправились обратно. Но Альбертъ уже зналъ объ этомъ, собралъ рыцарей и у Левенвардена ожидалъ хищниковъ; перешевъ по льду Двину подъ Ашерадомъ, стремительно напалъ на Литовцевъ, которые, ужаснув-

пись какихъ-то знаковъ (118), подняли ужасный вопль и обратились въ бѣгство, оставивъ добычу и плѣнныхъ.

XXXII.

Но, если Епископъ свято исполнялъ условія договора, то, съ другой стороны, послѣдовавшія событія весьма оподозриваютъ искренность Полоцкаго Князя, искавшаго дружбы съ Альбертомъ по необходимости. По крайней мѣрѣ вскорѣ, въ 1206 г., поколебалось доброе согласіе между ними. Управление частію Кокенмойскихъ владѣній, уступленныхъ Альберту, послѣдній поручилъ отъ себя владѣльцу Левенвардена Данилу, который ни коимъ образомъ не могъ ужиться съ Василиемъ-Рогволодомъ, обижавшимъ всячески Нѣмцевъ. Слуги Данила, уловивъ удобное время — когда люди княжескіе послѣ ночной пирушки, спали крѣпкимъ сномъ — напали на сонныхъ, обезоружили ихъ и къ самому Князю приставили стражу. Данилъ, бывшій въ это время въ отсутствіи, поспѣшилъ донести о случившемся Епископу, повелѣвшему тотчасъ освободить людей; самага же Князя пригласилъ къ себѣ въ Дюнамюнде, гдѣ провелъ онъ все Свѣтлое Воскресенье. При этомъ Епископъ употреблялъ съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы почестями и радушіемъ загладить въ памяти и сердца Князя впечатлѣнія несчастнаго событія, и, отпуская его съ богатыми дарами, далъ 20 человекъ Нѣмецкихъ работниковъ для починки Кокенгаузенскаго замка; простился съ нимъ дружески и собирался самъ въ

волью опаснаго, владѣвшаго замкомъ Герсике, надъ Двиною ⁽¹¹⁷⁾. Этотъ Князь, по имени Всеволодъ ⁽¹¹⁸⁾, женатъ былъ на дочери литовскаго Князя Утенеса Дангеруть — давшему за ней въ приданое нѣсколь- ко волостей въ Литовско-Завилейскомъ княже- ствѣ ⁽¹¹⁹⁾ ¹²⁴ — и уже поэтому самому бывший въ друже- ственныхъ сношеніяхъ съ Литовцами, которыми онъ часто предводительствовалъ лично во время ихъ хищническихъ набѣговъ на правый берегъ Двины ⁽¹²⁰⁾ ¹²⁵; къ тому же, какъ говорятъ, былъ онъ великимъ врагомъ латинства. Лѣтописецъ Ливон- скій съ удивленіемъ говорить, что отъ лютыхъ на- бѣговъ Литовцевъ, всегда при содѣйствіи и подъ защитою этого князя, равно терпѣли христіане и не христіане; Латыши, Россіяне и Эстонцы болѣе укрывались въ лѣсахъ, нежели жили въ домахъ; ибо положеніе ихъ въ отношеніи Литовцевъ было то же, что положеніе овецъ въ отношеніи вол- ковъ ⁽¹²¹⁾. ^{25 (91)}

Осенью 1208 г. Епископъ двинулся съ войскомъ къ Кокенгаузену и оттуда къ Герсике. Жители сдѣ- лали смѣлую вылазку; но, отбитые назадъ, преслѣ- дуемы были съ такимъ жаромъ, что Герсиканцы и Нѣмцы вмѣстѣ вбѣжали въ крѣпость. Городъ былъ взятъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія; потому что Всеволодъ съ значительною частію дружины ушелъ за Двину, оставивъ въ добычу побѣдителямъ свою супругу, имущество, жителей и все богатство церк- вей православныхъ. На другой день, зажегши крѣ- пость и городъ, Епископъ отправился съ войскомъ обратно; глядя съ другаго берега Двины на пожаръ своей столицы, несчастный Князь горько оплаки-

валъ судьбу роднаго города: «о! Герсике! градъ возлюбленный! о наслѣдіе предковъ моихъ! о! неожиданная гибель рода моего! горе мнѣ! горе рожденному видѣть пожаръ моего города! видѣть гибель и порабощеніе моего народа (122)». Однако, Епископъ явилъ себя великодушнымъ, призвалъ Князя въ Ригу и — заключивъ съ нимъ предварительно условіе, по которому Всеволодъ уступилъ верховныя права на свои владѣнія Рижской Пресвятой Богородицы церквѣ, отъ имени которой Епископъ, вручивъ ему три лепныя знамени — возвратилъ область на правахъ феодальныхъ съ обязанностію: Епископа всегда считать вмѣсто отца, жить въ дружбѣ съ церковью и на всегда отречься отъ союза съ язычниками (123). 127

Однако Всеволодъ, получившій, кромѣ Герсике, еще два города Антине и Сессау, не пересталъ тайно сноситься съ Литовцами и способствовать ихъ нападенымъ (124). 128

XXXIV.

Не смотря на всѣ неудачи, Полоцкій Князь еще не отречься ни отъ правъ своихъ на Ливонію, ни отъ участія въ судьбѣ ея и, не смотря на случившееся, просилъ свиданія съ Епископомъ, чтобы условиться какъ насчетъ судьбы своихъ владѣній въ Лифляндіи, такъ и насчетъ свободы торговли по Двинѣ. Обѣ стороны съѣхались у Герсике (или у Кокенгаузена?), причемъ присутствовалъ и бывший Псковскій Князь Владиміръ. Сперва Василій упрекалъ Епископа въ угнетеніи жителей и поставлялъ

въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ примѣръ Рос-
сіянъ, дѣйствовавшихъ въ то время путемъ убѣж-
денія и благодѣяній. Потомъ, доказывалъ права
свои на Ливонію, права освященныя временемъ.
Епископъ съ своей стороны изобразилъ вѣролом-
ство Латышей и какъ неизбежное слѣдствіе этого —
жестокость и принужденіе въ дѣлѣ обращенія. Пра-
ва, не могъ опровергнуть правъ Полоцкаго Князя
на Ливонію, ясно имъ доказанныхъ и присутство-
вавшими тутъ Латышами подтвержденныхъ; но
объявилъ, что отъ того что случилось, чѣмъ завла-
дѣлъ, словомъ отъ *in statu quo*, будучи вассаламъ
Римскаго Императора, не можетъ и не долженъ от-
ступаться безъ согласія Кесаря. Спорили, а между
тѣмъ присутствовавшіе тутъ Латыши кричали, что
не станутъ повиноваться двумъ государямъ. Нако-
нецъ согласились: Полоцкій Князь отрекся въ поль-
зу Епископа отъ всѣхъ правъ на Латышей; а Аль-
бертъ съ своей стороны, дозволивъ свободу плава-
нія по Двинѣ, вторично обязался защищать и вспомо-
ществовать Князя противъ Литовцевъ (1225).

Повидимому новый договоръ, какъ и прежніе два,
не былъ соблюдаемъ Полоцкимъ Княземъ Васи-
ліемъ, котораго Ливонскій лѣтописецъ называетъ
Вещекою или Висцекою (1226). Къ сожалѣнію, не
имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы рѣшить: что по-
будило этого князя, въ 1222 году, принять отъ
Новгорода начальство надъ Дерптомъ, гдѣ нѣкото-
рое время занимался онъ покореніемъ окрестныхъ
волостей (1227).

Наѣзжалъ земли непокорныхъ отъ Вейги до Ви-
роніи, отъ Вироніи до Герванъ и до Саккалы; не

обращая ни малѣйшаго вниманія на владѣнія крестоносцевъ, ни на земли новообращенныхъ христіанъ. Разбилъ посланное противъ него войско Крестоносцевъ, безуспѣшно осаждавшихъ въ 1223 г. Дерптъ. Принималъ къ себѣ всѣхъ бѣглецовъ и преступниковъ изъ владѣній ордена; а туземцевъ новообращенныхъ поощрялъ къ апостатству. Въ 1223 г. Епископъ и рыцари требовали, чтобы Князь прекратилъ свой, въ высшей степени непохвальный, образъ дѣйствій. Но онъ гордо отвѣтствовалъ, что, владѣя Дерптомъ съ согласія Новгорода и Князей Русскихъ, не станеть утруждать себя переговорами съ Нѣмцами. Потому, Епископъ Альбертъ и орденскій магистръ Волькинъ — пославъ отрядъ войска въ Виронію для развлеченія силъ Россіянъ, сами же — обложивъ Дерптъ 15 августа 1223 г., послали предложеніе сдаться и — получили гордый отказъ. Началась осада упорная, во время которой съ обѣихъ сторонъ выказаны были всѣ современныя военныя хитрости. Не только метали огромными камнями, но бросали раскаленное желѣзо и сосуды съ воспламеняющимися веществами въ крѣпость, въ которую начали дѣлать подземный ходъ. Обѣ стороны были въ безпрерывной тревогѣ, ибо ночью поднимали ужасный шумъ: въ станѣ осаждающихъ Латыши били безпрестанно по щитамъ; Нѣмцы играли на котлахъ и трубахъ; осажденные же Россіяне трубили, по литовскому обычаю, въ огромныя трубы. Уже Крестоносцы начали упадать духомъ, узнавъ о приближеніи значительнаго отряда Россіянъ въ помощь осажденнымъ. Собрался совѣтъ; рыцарь Лютпертъ, Нѣ-

мецкій фохтъ, убѣдительно совѣтывалъ штурмъ и предложилъ, чтобы тому, кто первый водрузить знамя на стѣнѣ крѣпости, принадлежалъ важнѣйшій плѣнникъ, исключая самаго Князя, котораго совѣтовалъ повѣсить; а Эстонцевъ, въ урокъ прочимъ, истребить до единого. Варварскій совѣтъ одобренъ всѣми и, чрезъ нѣсколько дней, приступомъ взята крѣпость, въ которой безчеловѣчно умертвили всѣхъ, исключая не многихъ дѣтей и женщинъ и еще Князя, павшаго смертію храбрыхъ вмѣстѣ съ 2,000 Россіянъ ⁽¹²⁸⁾. 132

XXXV.

Крестоносцы всячески искали ссоры съ Герсиканскимъ Княземъ, Всеволодомъ; болѣе потому, что имъ хотѣлось завладѣть его областію — нежели потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ опасались, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, ими же сношеній его съ Литовцами. Потому, въ 1213 г., Нѣмецкій гарнизонъ, бывшій въ Кокенгаузенѣ, улучивъ удобное время напалъ на Герсике и разорилъ его. Вскорѣ послѣ этого комендантъ Кокенгаузена Мейнгардъ снова подошелъ къ Герсике; однако же не удачно, ибо Всеволодъ успѣлъ дать знать объ этомъ Литовцамъ. Нѣмцы, ничего не подозрѣвая, занимались осадою крѣпости и грабежемъ области, какъ вдругъ на противоположномъ берегу Двины показались Литовцы, начавшіе кричать, чтобы подали имъ лодки, что они прибыли для дружественныхъ переговоровъ съ Нѣмцами. Легковѣрные, видя ихъ въ небольшомъ числѣ, и въ самомъ дѣлѣ

отправили къ нимъ лодки, которыми коль скоро завладѣли Литовцы, то въ то же время показалось уже и цѣлое ихъ войско: пѣхота переправлялась на челнахъ, а конница вплавь. Поздно уже Нѣмцы замѣтили свою ошибку, бросились въ бѣгство; но настигнутые Литовцами и оставленные Латышами, скрывшимися въ лѣсъ, остановились, чтобы умереть подъ мечами Литовцевъ (129). 133

До сих пор разширена в. тисл
или А.А. ириситъ. = 4

КНИГА ПЯТАЯ.

До Гедимина и Ольгерда.

Судьба Бѣлоруссии. — Событія. — Два Довмонга. — Ры-
мундъ возвращаетъ Полоцкъ Литвѣ. — Витенесь выку-
паетъ его. — Отдаетъ въ удѣлъ Воину. — Война съ
Крестоносцами. — Основаніе Могилева.

XXXVI.

Послѣ смерти Василія-Рогволода Полоцкъ, на-
жется, снова сдѣлался вольнымъ городомъ — но не
надолго. При Рингольтѣ Альгимунтовичѣ, (1226 г.),
Литва образовалась въ обширную державу, буду-
щему могуществу, которой положилъ онъ первый
краеугольный камень. Намѣреніе соединить едино-
племенные народы въ одно цѣлое, заставило его
вмѣшиваться въ дѣла княжества Литовско-Зави-
лейскаго, Куроніи и Смигаліи, гдѣ уже на-
чали хозяйничать Нѣмцы; а съ другой стороны,
виды политическіе требовали утвержденія власти
въ Литовско-Полоцкомъ княжествѣ и прочихъ бли-
жайшихъ земляхъ Кривскихъ. Потому, въ 1230 г.,
предпринялъ походъ къ странамъ прилежащимъ
среднему теченію Двины и, судя по послѣдующимъ
событіямъ, вѣроятно въ это время Полоцкое кня-

жество присоединено было къ его владѣніямъ; ибо не владѣя имъ, онъ не могъ бы предпринимать такихъ набѣговъ на сѣверную Россію, какимъ, напримеръ, былъ походъ его въ генварѣ 1230 г., когда Литовцы воевали окрестности Селигерскаго озера. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1234 г. Рингольтъ владѣлъ не только всѣми Кривскими землями по лѣвую сторону Двины, но и Полоцкимъ княжествомъ. Грозно возростающее могущество Литвы устрало сосѣдственныхъ Русскихъ Князей, которые, возбужденные Давидомъ Луцкимъ, рѣшились соединенными силами положить предѣлъ ея расширенію. Но Рингольтъ, счастливый воинъ, въ 1235 г., разбилъ — на правомъ берегу Немана, у деревни Могильны — на голову соединенныхъ Князей: Святослава Всеволодовича брата Великаго Князя Рюрика, Льва Даниловича Волынскаго, Дмитрія Друцкаго и Давида Луцкаго, изъ которыхъ два послѣдніе пали въ этомъ кровопролитномъ сраженіи смертію мужественныхъ. Вѣроятно въ это время что-то произошло въ Полоцкѣ, ибо войско Литовское изъ подъ Могильны пошло къ этому городу. Въ то время, какъ новая, въ 1236, рѣшительная побѣда надъ Крестоносцами въ урочищѣ Каменнѣ еще болѣе возвысила могущество и славу Рингольта, Россія стонала подъ нашествіемъ Батыя. Такъ счастливый воинъ, послѣ двухъ блестящихъ побѣдъ, могъ считать себя со всѣхъ сторонъ спокойнымъ. Къ тому же онъ имѣлъ достойныхъ помощниковъ въ двухъ сыновьяхъ своихъ: Ердзвилѣ и Миндовгѣ, изъ которыхъ въ особенности первый прозванный *Игумисомъ*, оберегавшій сѣверовосточ-

ныя предѣлы отцовскихъ владѣній, отличался военными способностями. Первымъ его завоеваніемъ была почти вся нынѣшняя Бѣлоруссія или Кривскія земли: Полоцкъ, Витебскъ, Орша и Самый Смоленскъ. Этотъ послѣдній городъ, въ которомъ Ердзилль былъ намѣстникомъ въ 1239 г., былъ отнятъ у Литовцевъ Великимъ Княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ при содѣйствіи трехъ Смоленскихъ бояръ изъ рода Воиновъ; Ердзилль попался въ плѣнъ и освобожденъ путемъ выкупа. Послѣ смерти Рингольта (1240) и Ердзилла (1242), Миндовгъ соединилъ подъ собою все отцовскія владѣнія (130).

Междоусобныя войны приостановили на нѣкоторое время возростающее могущество Литвы. По родовому праву наследовали не сыновья, но братья; потому, сыновья Ердзила не получили отцовскаго наследія, доставшагося дядѣ ихъ Миндовгу. Онъ поручилъ имъ охраненіе границъ своихъ владѣній: Товтивилла поставилъ въ Полоцкъ, придавъ ему въ помощь какого-то опытнаго воина Виконта; Арвида или Довмунда, получившаго въ удѣлъ Оршу, утвердилъ въ Рогачевѣ, откуда онъ долженъ былъ наблюдать за Князьями Черниговскимъ и Смоленскимъ; наконецъ третьему племяннику, Тройнату, поручилъ охраненіе границъ со стороны Подлясья, Мазовіи и Пруссіи (131).

XXXVII.

Родовое начало, причинившее столько горя Россіи, навело и на голову Миндовга много бѣдствія;

ибо племянники, придерживаясь началъ семейнаго права, считали себя обиженными, а дядю похитителемъ ихъ достоянія. Здѣсь причина сперва недоброжелательства, а послѣ ненависти ихъ къ Миндовгу.

Полоцкъ, въ которомъ господствовалъ Товтивилль, былъ важнымъ пунктомъ владѣній Миндовгова шайки хищниковъ, съ вѣдома или безъ вѣдома Товтивилла, набѣгали на страны окрестныя, проходя невозбранно чрезъ владѣнія Полоцкія. Вошевѣ въ дружественныя сношенія съ Александромъ Невскимъ, Товтивилль принялъ православіе, женился на родной сестрѣ супруги Александровой, дочери какого-то князя Брячислава, проживавшаго въ Витебскѣ и титуловавшагося Полоцкимъ. Подобныя связи, справедливое правленіе, которымъ отличался Товтивилль, снискали ему любовь и расположеніе жителей его области ⁽¹³²⁾; но все это очевидно кончилось тѣмъ, что чѣмъ болѣе онъ сближался съ Россіянами, тѣмъ болѣе удалялся отъ своего государя и его интересовъ. Это обнаружилось сперва тѣмъ, что онъ выказалъ себя дурнымъ сосѣдомъ въ отношеніи Литовско-Завилейскаго князя, допуская безнаказанно подданнымъ своей области грабить жителей его. Когда же, по жалобѣ тамошняго князя Свинторога, Миндовгъ приказалъ казнить нарушителей общественнаго спокойствія, то Товтивилль дотого явилъ себя непослушнымъ, что даже противу его самого нужно было выслать войско: Миндовгъ выслалъ его изъ Полоцка намѣстникомъ въ Оршу. Товтивилль началъ роптать на жестокость Великаго Князя; но ему замѣтили, что на такомъ

важномъ постѣ, каковымъ былъ Полоцкъ, князь желаетъ видѣть болѣе послушныхъ; а впрочемъ, если это ему не нравится, то отчего бы ему не поискать счастья между Россіянами, съ которыми сблизился онъ бракомъ, вѣрою и интересами? Раздраженный Товтивиллъ началъ сноситься съ братомъ Арвидомъ, проживавшемъ въ Рогачевѣ, тоже принявшемъ Православіе и женатомъ на Русской княжнѣ (133).

XXXVIII.

Но, дядя предупредилъ замыслы племянниковъ, изгнавъ обоихъ изъ ихъ удѣловъ; братья обратились къ врагу его, князю Галицкому Даніилу. Здѣсь составили они планъ возстанія и отсюда сносились съ третьимъ своимъ братомъ Тройнатомъ, иначе Викундомъ или Вискиндомъ, принявшемъ ихъ сторону и уже набравшемъ войско между Ятвягами, подобавшими въ грабежѣ и разбоѣ. При содѣйствіи князей Даніила и Василька, племянники открыто объявили возстаніе противу дяди, котораго обвиняли не только въ похищеніи ихъ наслѣдія и въ замыслахъ на гибель ихъ; но — чтобы найти болѣе сочувствія къ своему дѣлу между князьями русскими — даже въ завоевательныхъ планахъ на счетъ земель послѣднихъ. Убѣдительно совѣтывали и просили общими силами для блага общаго сокрушить его могущество. Князь Литовскій громко протестовалъ противу навѣтовъ; доказывая несправедливость ихъ, просилъ выдачи непокорныхъ племянниковъ. Правда, Русскіе князья

ничего открыто не предпринимали противъ него; но зато обнаружались ихъ скрытныя холатайства предъ князьями Польскими.

Нетерпѣливый Товтивилль, виновникъ междоусобія, видя медленность и нерѣшительность князей Русскихъ, обратился къ Крестоносцамъ, принявъ въ Ригѣ Католическую вѣру и съ нею имя Готлиба, и дотого обольстил Нѣмцевъ обѣщаніями насчетъ будущихъ своихъ владѣній, что Крестоносцы приняли его сторону. Даже Прусскій магистръ Квенденъ и епископъ Хелмскій прибыли лично въ Литовію, гдѣ въ то время начальствовалъ надъ Орденомъ доблестный мужъ Андрей Стикландъ. На совѣтѣ общемъ изъ рыцарей и духовенства положено всѣми силами ударить на Литовскаго князя, возвратитъ племянникамъ ихъ наслѣдственные удѣлы. Начали тѣмъ, что въ 1251 году завоевали Тевтовиллу, Полоцкъ, куда хотя и поснѣшилъ Миндовгъ съ войскомъ; но отбитый Нѣмцами, отступилъ съ значительнымъ урономъ. Послѣ этого, первымъ дѣломъ Тавтивилла было опустошеніе Литовско-Завилейскаго княжества; Крестоносцы же съ своей стороны — разбивъ еще Миндовга подъ Вилькомиромъ, въ концѣ 1251 и началѣ 1252 г. — опустошили Жмуйдъ, Семигалію и даже окрестности Кернова (134).

XXXIX.

Съ другой стороны, зять Миндовга, Галицкій князь Давилль, — вопреки святости дружественнаго договора 1245 г. — вѣроломно началъ войну про-

тивъ него, завоевалъ Волковыскъ и Слонимъ. Волею не волею Миндовгъ примирился съ Даниломъ, который, всегда вѣроломный, и теперь еще не переставалъ скрытно дѣйствовать противъ него: отправилъ съ войскомъ въ помощь Товтивиллу Арвида, который, обошевъ Пинскія болота, пробрался чрезъ Кривскія земли и соединился съ братомъ. Потомъ Арвидъ отправился въ Ригу и принялъ Католицизмъ. Здѣсь составилаь огромная лига противъ Миндовга: изъ крестоносцевъ, племянниковъ, князей Руси юго-западной и Данила Галицкаго, скрытно поднимавшаго на Литовскаго Князя Ятвяговъ, Половцевъ, Татаръ и Короля Польскаго Болеслава Стыдливаго.

Но, у мужественнаго Миндовга нашлось достаточно и воли и умѣнья, чтобы противустать грозящей опасности, найти средства къ спасенію и гибельную войну обратить въ честный миръ. Миндовгъ созвалъ народный сеймъ: изобразилъ ясно грозящую опасность независимости отечества, и народъ, любившій своего государя, довѣрилъ безусловно ему и судьбу свою и отвращеніе опасности мѣрами, какія найдетъ онъ приличными (135). Теперь, Князь Литовскій рѣшается на мѣры, изумившія враговъ его. Обратился къ Ливонскому Магистру Андрею Стикленду съ предложеніями, предъ которыми онъ не могъ колебаться: миромъ и желаніемъ принять Римско-Католическую вѣру. Военныя дѣйствія прекратились: Магистръ и епископъ Хелмскій Геврихъ Армаканъ, въ сопровожденіи всѣхъ знаменитостей Ордена, поспѣшили къ Миндовгу, принявшему ихъ съ истинно царскою пыш-

ностію. Послѣ великолѣпныхъ пировъ, епископъ поспѣшилъ съ радостнымъ извѣстіемъ въ Римъ, откуда возвратился легатомъ съ королевскими корогами для князя и его супруги и съ буллою на имя Миндовга; 8 сентября 1252 г. — въ столицѣ Литвы, Новогрудкѣ—совершился обрядъ Св. Крещенія и коронаванія, среди необыкновеннаго торжества и стеченія духовныхъ и свѣтскихъ знаменитостей изъ окрестныхъ странъ Европы. Миндовгъ возведенъ на степень Короля, а Литва — на степень Королевства.

Такъ рушился страшный ковъ противъ Миндовга: Крестоносцы изъ враговъ стали союзниками и друзьями, за которыми новый король утвердилъ земли, подаренныя имъ Тевтовилломъ, въ томъ числѣ и Полоцкѣ. Оставалось лишь усмирить виновниковъ всѣхъ бѣдствій, непокорныхъ племянниковъ и возвратитъ отнятыя въ это время у него земли Даниломъ Галицкимъ. Но, чтобы имѣть поводъ воевать съ новыми братьями—христіанами, исходатайствовалъ въ 1255 г. у Папы буллу, возводящую сына его Войшелга, въ язычествѣ Вольстыника, на степень *Короля Русскаго*. Вслѣдъ за этимъ открывшаяся война лишила Галицкаго князя прежнихъ завоеваній на владѣніяхъ Миндовговыхъ между Нѣманомъ и Бугомъ. Данилъ началъ приискывать новыхъ враговъ противъ Миндовга и на-шелъ пока — Тевтовилла.

XL.

Литовско-Завицейскій князь Свинторогъ отнялъ наконецъ въ 1256 г., какимъ то образомъ Полоцкъ у этого князя, не удерживавшаго своихъ подданныхъ отъ набѣзовъ на его земли. Тевтовилль бѣжалъ на Жмуйдъ къ дядѣ своему Викинту, независимому Жмуйдскому ярлу, коего столица была Тверь или Твериментъ, откуда опять началъ дѣйствовать противъ Миндовга заодно съ Даниломъ, который однако — послѣ двухлѣтней войны — помирился съ Миндовгомъ. Это поразило Тевтовилла; прибывъ поспѣшно въ станъ къ Данилу, онъ такъ сильно укорялъ его въ слабости и вѣроломствѣ, что тотъ оскорбленный отказалъ наконецъ ему въ приставницѣ и дружбѣ (136). Угнетенный неудачами Тевтовилль смирился, умилоствовалъ дядю и уже горячо брался дѣйствовать противъ прежняго союзника и друга, Данила (137). Его примѣру послѣдовали и два другіе брата; великодушный Миндовгъ простилъ мятежныхъ племянниковъ, старшій изъ нихъ Арвидъ или Довмундъ, отличный воинъ, получилъ въ удѣлъ княжество Нальщанское, Товтивиллу возвращенъ Полоцкъ, а Тройнату Жмуйдъ.

Но — покорившись по необходимости, не искренне — племянники лишь скрывали бессильную злобу, главшуюся въ сердцахъ ихъ и обнаружившуюся при первомъ случаѣ. Въ 1263 г., по повелѣнію Миндовга, послапъ отрядъ войска для наказанія князя Брянскаго Романа, пограбившаго владѣнія Литовскія

около Днѣпра, кажется, въ нынѣшней Могилевской губерніи. Къ этому отряду велѣно было присоеди- ниться и князю Нальщанскому Довмунду, который— хотя и выступилъ; но—подъ пустымъ предлогомъ, возвратился съ половины пути. Походъ не имѣлъ успѣха и въ этомъ конечно виноватъ былъ князь Нальщанскій, навлекшій на себя справедливый гнѣвъ дяди. Потому, не медля нисколько, Довмундъ — злившійся уже на дядю среди подозрѣній, неспра- ведливо трезавшихъ его душу по поводу удержанія жены его Миндовгомъ при своихъ осиротѣвшихъ дѣтяхъ (138) — отправился на Жмуйдъ къ Тройнату, съ которымъ и составилъ новый заговоръ противъ государя и дяди своего, погибшаго наконецъ вмѣ- стѣ съ двумя малолѣтними сыновьями подъ но- жами убійцы, напавшихъ на него соннаго ночью, 12 сентября 1263 г., въ лѣсахъ Семигаліи, гдѣ онъ, улучивъ свободное отъ дѣлъ государственныхъ время, беспечно проводилъ его на охотѣ.

XLI.

Достигнувъ давно желанной цѣли, убійцы — слѣ- дуя первому побужденію — разграбили сокровища княжескія и этимъ еще болѣе помрачили свой изу- вѣрный поступокъ, обнаружившій лишь гнусное ихъ корыстолюбіе. Тройнать, завладѣвъ Керно- вомъ, превозгласился Великимъ Княземъ Литов- скимъ и Русскимъ. Истинный же наслѣдникъ, Вол- шелгъ — обрекшійся монашеству еще при жизни отца; узнавъ изъ глубины Лещинскаго монастыря о несчастной смерти отца и братьевъ, о возвыше-

ни въроломнаго Тройната, о паденіи христіанства въ Литвѣ и благодарственныхъ жертвоприношеніяхъ въ Керновѣ въ честь Перкуна — удалился въ Лавришевскій монастырь, близъ Пинска, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не вызвало его оттуда отечество.

Междутѣмъ Тройнать — по видимому, не опасавшійся совмѣстничества старшаго брата Довмунда, — отправилъ гонца въ Полоцкъ къ Тевтовиллу, приглашая его, какъ брата и друга подѣлиться наслѣдіемъ ненавистнаго дяди; приглашалъ друга, на счетъ котораго уже питалъ злодѣй въ душѣ своей самые черные замыслы. Товтивилль — дѣйствовавшій всегда открыто и потому благородно противъ дяди — ужаснулся, узнавъ о злодѣяннн братевъ, и рѣшился наказать брата злодѣя и дядеубійцу. Открывъ убѣжище Войшелга, вошелъ съ нимъ въ переговоры, а междутѣмъ, въ началѣ 1264 г., лично прибылъ въ Керновъ въ сопровожденіи бояръ и Полоцкой дружины. Еще не кончились пиры, какъ нѣкто Прокопъ, изъ дружины его, предостерегъ тайно Тройната. Товтивилль былъ умерщвленъ тоже измѣннически, дружину и бояръ обремѣнили цѣпями; а въ Полоцкъ отправили гонца съ предложеніемъ къ жителямъ: выдать живаго или мертваго Товтивиллова сына Августа и принять отъ Тройната, своего Великаго Князя, намѣстника, если граждане Полоцкіе не желаютъ въ противномъ случаѣ видѣть бояръ своихъ, находившихся въ плѣну въ Керновѣ, обезглавленными. Юный Августъ, не желая навлекать бѣдствія на Полоцкъ, осудилъ себя на добровольное изгнаніе: ушелъ въ Новгородъ,

откуда князь Ярославъ вскорѣ выслалъ его княжить во Псковъ, гдѣ онъ и погибъ во время междоусобія (139). Полоцкъ же, волею не волею, принялъ отъ руки Тройната намѣстника: удѣльнаго ярла Ейраголы на Жмуиди Дорминишпрунгова сына, славнаго морскаго викинга Лютавора, сынъ котораго Витенесъ удостоился великой чести — быть избраннымъ на великокняжескій престолъ (140).

Отступникъ христіанства, безумный тиранъ и вѣроломный братоубійца — Тройнатъ палъ наконецъ, въ 1265 г., и самъ отъ рукъ убійць, вѣрно-подданныхъ Миндовга, тотчасъ давшихъ знать объ этомъ Войшелгу, который — уступивъ великокняжеское достоинство мужу сестры своей, Шварну — только чрезъ два года, уже послѣ смерти его, возсѣлъ на престолъ отца своего. Отомстивъ жестоко за смерть его, самъ онъ тоже палъ, въ 1267 г. во Владимірѣ Вольнскомъ отъ руки тамошняго князя Льва Даниловича. Съ Войшелгомъ пресѣклась линія Палемона и въ 1268 г. на престолъ Литовскій вступила линія Довшпрунга въ лицѣ Литовско-Завилейскаго князя маститаго старца Свинторога, соединившаго въ одно оба Литовскія княжества.

XLII.

Вмѣсто Довмунда князя Нальщанскаго явился Довмундъ Ромундовичъ князь Утянскій (надъ Двиною). Когда, въ 1280 г., умерла его жена, сестра Великаго Князя Литовскаго Нариманда, то послѣдній, не будучи въ состояніи лично присутствовать при погребеніи, отправилъ для этого супругу

въ Утяны; но Довмундъ, влюбившись въ Великую Княгиню, не хотѣлъ уже отпустить ее отъ себя. Раздраженный супругъ обложилъ войскомъ Утинскій замокъ, изъ котораго однако же Довмундъ успѣлъ уйти въ Псковъ къ дядѣ своему Довмунду (старому), при помощи котораго завоевалъ въ 1281 г. Полоцкъ (141). Завладѣвъ Полоцкомъ, Довмундъ думалъ уже о Литовскомъ престолѣ, на которомъ сидѣлъ въ то время отличный воинъ и государь, любимый народомъ, Тройденъ. Не имѣя ни силъ, ни смѣлости открыто возстать противъ него — Довмундъ прибѣгнулъ къ средству болѣе легкому и менѣе опасному: нанялъ убійцъ. Коль скоро пронеслась вѣсть о смерти Тройдена, Довмундъ спѣшилъ съ Полочанами въ Керновъ для занятія великокняжескаго престола, принадлежавшаго ему, какъ старшему въ родѣ. Народъ ужаснулся, узнавъ въ претендентѣ извѣстнаго врага отечества. Полководецъ Литовскій Витенесъ собралъ поспѣшно сеймъ, единогласно превозгласившій Великимъ Княземъ Рымунда Тройденова сына, который, подобно Войшелгу, въ юныхъ лѣтахъ обрекъ себя монашеской жизни. Рымундъ явилъ себя достойнымъ сыномъ Тройдена; разбилъ Довмундово войско, и — самаго его убивъ собственною рукою — отправился въ Полоцкъ, который возвратилъ Литвѣ (142).

XLIII.

Полоцкое княжество подарено было Товтивиломъ Рижской церквѣ. Миндовгъ, принявшій Католическую вѣру, не уничтожилъ этого дара, должен-

ствовавшаго совершиться послѣ смерти Товтивилла, котораго онъ утвердилъ при пожизненномъ владѣніи Полоцкимъ княжествомъ. Вѣроятно, послѣ смерти его, Рижскій архіепископъ старался завладѣть Полоцкомъ; но такъ же извѣстно и то, что онъ не успѣлъ въ этомъ, ибо, при занятіи его Довмундами, это княжество принадлежало Литвѣ. Уже послѣ смерти Довмунда Псковскаго (стараго) ⁽¹⁴³⁾ Рижскій епископъ успѣлъ какъ-то завладѣть Полоцкомъ, которымъ рыцари — приобрѣвъ его отъ Рижской церкви для себя — сперва владѣли нѣкоторое время, а послѣ — вѣроятно не видя возможности удержаться въ немъ — продали его въ 1307 г. Великому Князю Литовскому Витенесу, отдавшему въ этомъ же году Полоцкъ въ удѣлъ сыну своему Воину ⁽¹⁴⁴⁾, принявшему Православіе и съ нимъ имя Василя ⁽¹⁴⁵⁾.

Изъ дѣяній этого князя — младшаго Гедиминова брата, княжившаго долгое время — извѣстна война его съ Орденомъ, котораго магистръ Бурхардъ Дрейлевенъ, вознамѣрившись распространить Орденскія предѣлы на счетъ Полоцкихъ, на границѣ ихъ построилъ укрѣпленные замки Фрауенбургъ и Маріенбургъ (Маріенгаузъ въ нынѣшнемъ Любечскомъ уѣздѣ Витебской губерніи). Въ началѣ 1342 г. Воинъ отправилъ сына своего Любко съ войскомъ къ Маріенбургу, отъ котораго впрочемъ онъ былъ отбитъ съ урономъ, послѣ кратковременной осады ⁽¹⁴⁶⁾.

XLIV.

Въ заключеніе этаго отдѣла, упомянемъ объ основаніи, въ 1267 или 1269 г., нынѣшняго губернскаго города Могилева. По мѣстному преданію, когда-то въ древности жило тутъ два богатыря, *Гвоздь* и *Машека*. Мѣсто, гдѣ пребывалъ первый, слыветъ и до настоящаго времени *Гвоздовкою*; а гдѣ второй — *Мышаковкою* — два урочища вблизи праваго берега Днѣпра и раздѣляющіеся лишь глубокимъ оврагомъ. Оба, владѣвшіе ужасною силою, грабили и убивали кого ни попадали, и берегъ Днѣпра вздымался могилами жертвъ ихъ злодѣйства. Когда, со временемъ, основалось тутъ рыбацье селеніе, то, отъ множества могилъ, прозвалось оно *Могилевомъ*. Преданіе объясняетъ, что несчастная любовь погубила *Машеку*: его возлюбленная вышла замужъ за другаго; а онъ, отъ злости и отчаянія, сдѣлался разбойникомъ. Случай однакожь заставилъ ее однажды проѣзжать вмѣстѣ съ мужемъ мимо притона ея прежняго рыцаря. Мужъ былъ убитъ; она же, попавшись въ руки *Машекъ*, притворилась любящею его по прежнему, усыпила подозрѣнія и зарѣзала соннаго. Могила, принявшая въ себя знаменитаго богатыря, прозвана *могилою Льва*; а селеніе, тутъ основавшееся, *Могилевомъ* ⁽¹⁴⁷⁾, который еще въ XVII столѣтіи польскіе писатели называли *Могила-вомъ* ⁽¹⁴⁸⁾, появляющимся въ польскихъ лѣтописяхъ только съ 1320-го года.

Гвоздь
Машека
1320